

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

В. ЧЕРНОСВИТОВ

Голубая стрела

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В. ЧЕРНОСВИТОВ

ГОЛУБАЯ СТРЕЛА

ПОВЕСТЬ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Москва — 1956

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Кошечка показала коготки	3
2. На старте „Голубая стрела“	8
3. День происшествий	17
4. Происшествие в воздухе	28
5. В районе Малых глубин	33
6. Под водой	43
7. На острове Одиноком	52
8. В тумане	64
9. Посмертное слово пограничника	69
10. Багровый закат	76
11. День второй	86
12. Крутой поворот	98

Владимир Михайлович Черносивтов

„Голубая стрела“

Редактор *Митичкина А. П.*

Художник *Ребров Ю. П.*

Технический редактор *Сорокин В. В.*

Корректор *Болдина Л. А.*

Сдано в набор 9.3.56 г.

Подписано к печати 7.5.56 г.

Формат бумаги 70×92¹/₃₂ — 3¹/₂ п. л. = 4,095 усл. п. л. 4,32 уч.-изд. л.

Г-24119

Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР

Москва, Тверской бульвар, 18

Изд. № 1/8808

Зак. № 146

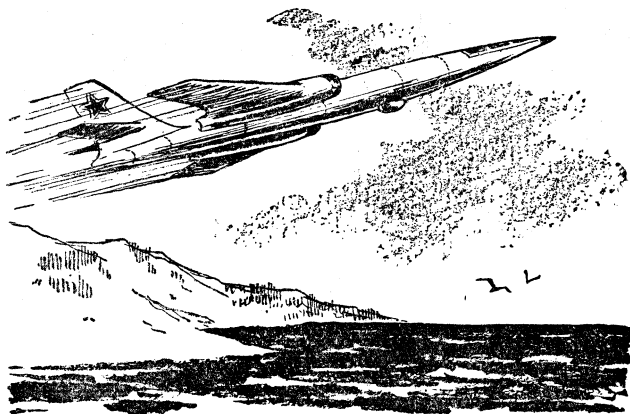
2-я типография имени К. Е. Ворошилова

Управления Военного Издательства

Министерства Обороны Союза ССР

Ленинград, 65, почтовый ящик № 343

Цена 1 р. 90 к.

1. КОШЕЧКА ПОКАЗАЛА КОГОТКИ

Едва Кузнецов успел снять фуражку, повесить ее на вешалку и вытереть платком лысую бугристую голову, дверь приоткрылась и с порога раздался голос старшего лейтенанта Егорьева:

— Разрешите, товарищ подполковник?..

Распахивая окно, Кузнецов через плечо добродушно покосился на офицера:

— Разрешаю...

За окном влево и круто вниз спускалась длинная лестница. В свете утреннего солнца ее каменные ступени казались белыми-белыми. По обочинам лестницы сбегали, заворачивая к невидимому отсюда морю, две шеренги веселых близнецов-кипарисов. Вдали клубился парковой зеленью склон горы — со штрихами аллей и яркими вкраплинами светлых зданий санаториев. Воздух был хрустально прозрачным и, как парфюмерный ма-

газин духами, насыщен утренне-сочным ароматом зелени и моря.

— А все же у нас в тайге воздух лучше,— подумал вслух Кузнецов.— И вообще...

И, круто повернувшись,— коренастый, небольшого роста — снизу вверх взглянул на высокого Егорьева:

— Докладывайте.

— В два часа ночи наши «слухачи» засекли работу неизвестного радиопередатчика. С интервалом в три минуты он дважды послал в эфир одну и ту же шифровку, после чего умолк.

— Записать успели?

— Да. Вот...

Егорьев, подойдя к столу, раскрыл папку, которую до этого держал в руке, и подал подполковнику бумажку, покрытую черточками и точками.

— Запеленговать рацию,— продолжал старший лейтенант,— тоже успели. Линия пеленга шла через бухту, пересекая мыс Хорас; и уходила в море. Бухта была абсолютно чистой — передатчик, видимо, прятался где-то на мысе...

— Постойте. Почему вы немедленно не доложили мне об этом? — уколол Егорьева взглядом подполковник.

Старший лейтенант спокойно выдержал взгляд начальника:

— Не видел необходимости, товарищ подполковник. Я, как оперативный дежурный, на свою ответственность принял решение: поднял шифровальщика, приказал ему немедленно взяться за дешифрование радиограммы, а сам с лейтенантом Мякиным выехал на мыс Хорас.

Глаза подполковника подобрели.

— И что же там?

— На гребне Хораса мы обнаружили свежие

следы автомобиля «Москвич»: машина свернула с шоссе, через двести метров остановилась на линии пеленга, простояла там, судя по следам от масла, капавшего из картера, минут десять, затем развернулась и ушла обратно. Пассажир или пассажиры из машины не выходили.

— Не глупы. Ну, а машина свою «визитную карточку» оставила?

— Да, товарищ подполковник: левое переднее колесо имеет незначительную «восьмерку», а протектор правого заднего — оригинальную выщербину. Вот я сфотографировал ее отпечаток.

— Хорошо. Дальше?

— Дальше я приказал лейтенанту Мякину разыскать по имеющимся приметам этот «Москвич», а сам вернулся и...

— Радиограмма дешифрована?

— Нет еще, товарищ подполковник, — вздохнул Егорьев, будто сам был повинен в этом, — шифр сложный, посмотрите сами, какие группы. Да и на каком языке — неизвестно.

— Дешифровать — это сейчас самое важное. Немедленно передайте по «ВЧ» копию шифровки в шифровальный отдел.

— Отправлено, товарищ начальник. Вернулся с Хораса, смотрю — шифровальщик наш уже взмок весь от старания, а ключа не найдет. Ну, и отправили в отдел.

— Правильно. Все правильно. Но...

Подполковник быстро обошел стол, сел в кресло и, разглядывая бумажку с перехваченной шифрограммой, поморщился, сильно потер ладонью лысину. Потом спокойно и серьезно сказал Егорьеву:

— Сложное положение. Понимаете, Василий, начинаются учения флота. А тут «стучат» черт знает что, — ткнул он ногтем в шифровку. — От

срока ее расшифровки, возможно, зависит очень много, а расшифровать, пожалуй, сможет только отдел...

— Или сам автор, если мы его «очень попросим».

Кузнецов невесело улыбнулся.

— Вы полагаете, что сейчас, когда по всему побережью снуют тысячи машин, Мякин так легко и быстро отыщет этого «Москвича» с протекающим картером?

— Он уже сорок минут наблюдает за этим «Москвичом», Сергей Сергеевич,— отпарировал Егорьев.

Подполковник чуть покраснел, и глаза его вновь стали колючими. Зная его вспыльчивость, старший лейтенант поторопился объяснить:

— Товарищ подполковник, я же не закончил доклад. Оставив Мякина на мысе и условившись о связи, я вернулся на дежурство и вскоре получил срочное донесение от нашего сотрудника. Вот, пожалуйста,— Егорьев подал начальнику листок бумаги, добавив: — Речь идет о женщине, которая вызвала у нас подозрения.

Кузнецов прочитал:

«С. К. вчера вечером выехала на своей машине и остановилась у бульвара. На мой вопрос ответила шуткой, что едет на прогулку с «интересным инкогнито» на два — три часа. «Интересным инкогнито» оказался неизвестный в военно-морской форме. С. К. имела при себе кожаный чехол фотоаппарата-зеркалки, но есть подозрение, что вместо фотоаппарата в нем находился какой-то другой прибор или аппарат. Ни через три часа, ни позже домой она не вернулась. Учитывая возможную важность этого, срочно сообщаю о замеченном».

Проследив, как начальник пробежал глазами строчки, Егорьев продолжал:

— Я понимаю, товарищ начальник, что этого еще мало для выводов, но время подстегивало: сопоставив это донесение с тем, что произошло ночью, я нашел взаимосвязь и на свой страх и риск...

— Ясно,— перебил его Кузнецов, весь подавшись вперед.— Ну, и как? Удалось?

— Так точно. Номер машины наблюдаемого лица давно известен, это во сто крат облегчило розыск: к утру машина уже была обнаружена в автотуристском пансионате в Аштауле, куда она прибыла в четыре часа, имея на заднем протекторе выщербину. Все сходится, остается только вопрос: что предпринять с наблюдаемым лицом, но это я уже без вас не решился делать.

— Моряк тоже приехал в пансионат?

— Никак нет.

— Хозяйка машины спит?

— Нет, она повозилась с машиной, заправила ее и вышла из пансионата не то купаться, не то на базар. До вашего решения я приказал держать женщину и машину под наблюдением.

«Молодец, далеко пойдет!» — с удовлетворением подумал подполковник, вглядываясь в умное лицо Егорьева с непокорной прядью волос, свисающей на высокий лоб. И тут же Кузнецову стало как-то горько: вот ночь принесла несколько серьезных и весьма важных вопросов, и молодой офицер в отсутствие начальства толково и оперативно разрешил их так же, как сделал бы это сам Кузнецов. Значит, он, начальник, тут не так уж и нужен, коль подчиненные обходятся без него! А он-то считал!

Кузнецов совсем упустил из вида, что именно он воспитал таким Егорьева. — передал ему свою сообразительность, привил самостоятельность в действиях, смелость в решениях. Семя упало на благодатную почву, и пройдет два — три года, поднакопится у Егорьева опыт, знание жизни, переживет ошибки и неудачи — и тогда действительно сможет обойтись без своего учителя.

По широкому лицу Кузнецова с суровыми складками по углам рта пробежала улыбка.

— Видите, Василий, не зря мы подозревали эту кошечку, вот и показала коготки. Что с ней делать, говорите? Брать ее надо немедленно! Раз она так решительно сорвалась с места, значит, обратно она уже вряд ли вернется. Хотите отдохнуть после дежурства?

— Ну какой же тут отдых, Сергей Сергеевич? — обиделся Егорьев.

— Добро. Тогда сейчас же поезжайте к Мякину и тихо, спокойно задержите эту особу. Задание ясно, товарищ старший лейтенант?

— Так точно. Разрешите выполнять, товарищ подполковник?

Минутой позже высокая фигура Егорьева в белом кителе и безупречно отутюженных флотских брюках мелькнула за окном кабинета и скрылась среди деревьев.

2. НА СТАРТЕ «ГОЛУБАЯ СТРЕЛА»

Среди ровной, как стол, томительно скучной, выжженной солнцем степи этот ничем не отгороженный участок меньше всего походил на аэродром. Ни огромных ангаров, ни застекленных диспетчерских вышек, ни полосатых конусов-вегроуказателей, ни даже самих самолетов тут не

было; одно приземистое и широкое здание с камуфлированной под степь грязноватой желто-зеленой крышей, два глинобитных домика да редко расставленные по периметру невысокие железобетонные колонны — вот все, что находилось здесь. Тем не менее это был аэродром и притом — особо охраняемый.

Невидимые лучи, испускаемые скрытыми в колоннах аппаратами, зорче всякого часового днем и ночью сторожили территорию от незваных гостей. Стоило кому-нибудь хоть ползком пересечь линию луча, как в ту же секунду от караульного помещения отъезжала машина с автоматчиками и мчалась точно к тому месту, где это случилось. Контрольно-пропускной пункт был вынесен за три километра на единственную дорогу, связывающую этот аэродром с главным аэродромом Н-ского гвардейского военно-морского авиасоединения. Кругом простиралась степь без деревца, без кустика. Минуя КПП, невозможно было незаметно приблизиться к запретной территории.

Солнце бросало на степь еще только свои первые лучи, когда на крыльцо глинобитного дома вышел офицер среднего роста и отнюдь не могучего телосложения. Проведя рукой по редющим волосам, тронутым сединой на висках, он надел флотскую фуражку, прищурился на небо и через плечо позвал:

— Сергей!

— Иду, иду, — раздалось в ответ, и, что-то дожевывая на ходу, из дома вышел другой офицер — черный, как жук, остроносый, с подвижным, веселым лицом. — Пошли...

Стоявший неподалеку авиационный механик с особым старанием приветствовал проходивших мимо офицеров. Как же! Несмотря на скромные

звания капитанов, оба они были известными летчиками-испытателями, специально приехавшими сюда для испытания новой машины. Дмитрий Петров и Сергей Сергеев! Механик вчера лично слышал, как на старте один летчик в споре с другим, — а летчики любят поспорить, — сказал: «Мне сам капитан Петров говорил», — и тем положил конец спору.

Сергеев и Петров неторопливо шагали по расстрескавшейся бурой земле, скудно поросшей сухой и жесткой, как проволока, травой. Того пряного аромата, какой царит над степью весной, не было уже и в помине. По дороге к аэродрому мчались автомашины, оставляя позади себя густую едкую пыль.

— А что это мы с тобой, друже, как отшельники, здесь день и ночь торчим? — глядя на проезжавших, подумал вслух Сергеев. — Большинство наших в городе живет.

— А зачем? Здесь — ближе к делу, — пожал плечами Петров.

— Ну все-таки... Там — театр, курзал, пляж...

— ...погребок, — в тон другу шутя подсказал Петров, и оба рассмеялись: Сергеев был непьющим. — А вообще — верно. Вот закончим испытания — вызову телеграммой жену с ребятами и недельку побултыхаюсь с ними в море.

— Соскучился уже по своим карапузам?

— А что ж, они ведь у меня...

— Лучше всех ребят в мире!

— Ну, лучше не лучше, а родней... Выкатывают мою пташку, — кивком головы указал Петров.

Из большого здания, наполовину врытого в землю, по скошенному въезду тягач тащил на буксире новенький самолет. Со стороны казалось,

будто автомобиль вытаскивает из тела земли пронзившую ее насквозь большую металлическую стрелу. Наконец самолет показался весь и показился по ровному месту, свысока поглядывая стеклянными глазами на автомобиль-буксировщик.

Сдвинув фуражку набок, Сергеев жадно оглядел самолет и подмигнул Петрову:

— Сила и красота!.. Ничего, мой тоже скоро выкатят, полетаем парой. Ну, я пошел в сборочный. Не взлетай без меня — я приду на старт.

— Добро!

Прятели разошлись: Сергеев направился к приземистому зданию, а Петров зашагал дальше — к взлетной полосе. Позади послышались торопливые шаги. Петров оглянулся: его догонял инженер-майор — начальник технической группы, которой командование доверило сборку первых самолетов новейшей конструкции.

— Дмитрий Дмитриевич, здравствуйте. Летим, значит? Волнуетесь?

— Здравствуйте... Немножко, — спокойно улыбнулся Петров.

— А я злюсь: уже и начальство приехало и комиссия, а Дудника нет!.. Вот он, слава создателю! — облегченно вздохнул инженер-майор, весьма выразительно погрозив щеголеватому инженер-лейтенанту, обогнавшему их на почтительном расстоянии слева.

На командном пункте былолюдно и чувствовалась общая деловая взволнованность. У спецмашин и внутри них возились, проверяя аппаратуру, радисты, операторы и другие специалисты; под новеньким, только что натянутым тентом переговаривались члены комиссии; в старой беседке, покрытой латаным, выгоревшим брезен-

том, толпились техники. Среди них, уже успев натянуть комбинезон, стоял как ни в чем не бывало и Дудник.

Ретивые на «подначку» товарищи подтрунивали над ним, но добродушно: при своем щегольстве и любви погулять Дудник оставался хорошим специалистом и за это его уважали.

Капитан Петров доложил по-уставному, поздоровался с членами комиссии, в которую входил и сам, и отошел в сторону с начальником метеослужбы — обсудить прогноз и сводку метеорологической обстановки.

Началась работа. «Голубую стрелу» — так назывался новый самолет — тщательно осмотрели и проверили инженеры и техники. Потом заправили торпедоносец горючим, запустили и стали «гонять» двигатели на разных режимах; останавливали, осматривали, снова запускали и снова глушили...

Через два с половиной часа после этого на аэродром примчался серый «Зим». Из автомобиля вышел высокий, грузный моряк с адмиральскими погонами на плечах и значком депутата Верховного Совета СССР на кителе. Он дружески тряхнул руку председателю комиссии генералу Соколову, познакомился с генералом — конструктором «Голубой стрелы», ответил на приветствие офицеров.

— Душа и гроза военморов, адмирал Кулагин, — шепнул Петрову один из офицеров.

Густым, рокочущим баритоном адмирал сказал председателю комиссии:

— Насилу вырвался: флот вышел на учения, дел больших и малых куча... Однако к вам не приехать не мог. Покажете новинку? Вот эта и есть? Интересно!..

С пронзительным шумом, изрыгая могучий, раскаленный поток газов, на взлетной полосе стояла и подрагивала от сдерживаемого стремления вперед изящная боевая машина. Обжигающее дыхание «Голубой стрелы» чувствовалось уже на расстоянии.

— Около сопла температура такая, что, если неосторожно сунуться, «поджарит» и сдует, как былинку! — улыбнулся Кулагину генерал.

Оглядев самолет со всех сторон, адмирал восторженно воскликнул:

— Здорово! Но я ведь моряк и в тонкостях авиации не силен, так уж вы отрекомендуйте мне свое детище, — попросил он конструктора.

Тот с улыбкой пожал плечами.

— Детище не мое, коллектива! Нам удалось повесить запас прочности — теперь машина должна выносить громадную перегрузку. Главное же — другое.

Животрепещущим вопросом в авиации являлась проблема дальности и скорости полета реактивных самолетов — дело упиралось в большой расход горючего и ограниченность его запаса в полете.

Наши ученые решили эту проблему. Они разработали особое химическое соединение — газ, который накачивается в обыкновенный стальной баллончик, подключаемый к двигателю. В полете содержимое этого баллончика микроскопическими дозами впрыскивается в камеру сгорания как дополнительный к горючему, что дает поразительный эффект: температура горения топлива повышается в несколько раз.

Следовательно, бортовой запас горючего значительно возрос, сохранив прежний вес и объем, что сделало возможным пропорционально увели-

читать время беспосадочного полета и по мере необходимости повышать скорость: инженер Андреев снабдил двигатель новой огневой трубой повышенной жаропрочности.

— Послушайте, так ведь это — колоссальное достижение!

— Совершенно верно, — подтвердил генерал.

...Чуть сдвинув со лба белый байковый подшлемник, капитан Петров подошел к самолету, сопровождаемый остальными членами комиссии, инженерами и командованием соединения, и по дюралюминиевому трапику взобрался в кабину.

Худощавое спокойно-приветливое лицо Петрова стало деловым и строгим. Закрыв колпак кабины, он опробовал рацию, педали, штурвал управления и запустил двигатели. Проверив машину на земле, летчик вырулил на старт и запросил разрешение на взлет. Руководитель полетов дал «добро». Петров пристегнул себя к сиденью, улыбнулся, кивнул головой стоявшему близ самолета Сергееву и сосредоточил внимание на приборной доске.

Когда специфический шум двигателей достиг предельно высокой, звенящей ноты, «Голубая стрела» чуть «клюнула» — это Петров отпустил тормоз, — пронеслась по аэродрому и легко взмыла в воздух.

В тесной кабине реактивного самолета летчика окружает множество приборов. Петров должен был тщательно следить за показаниями каждого из них. Не прошло и двух секунд, как «Голубая стрела» была уже далеко от аэродрома. Петров сориентировался, проверил послушность

машины рулям и, «вежливо» заложив вираж, начал первую «коробочку».

По радио запросили: «Стрела», «Стрела», я — «Лук». Сообщите, как себя чувствуете, как ведет себя «стрела», как — «самовары»?» Петров улыбнулся, обнажив справа три золотых зуба — след аварии военных лет, ответил: «Я — «Стрела». Самочувствие хорошее, «стрела» и «самовары» ведут себя отлично».

На командном пункте все невольно вздохнули. Конструктор подошел к радиолокатору и тронул оператора за плечо:

— Как наблюдается цель?

— Слабо, товарищ генерал. Прямо не знаю, что это такое, — сконфуженно ответил тот, уступая место у экрана. — Вот посмотрите сами.

Генералы, члены комиссии и полковник, руководивший полетами, по очереди посмотрели на экран, затем многозначительно переглянулись.

— Ничего, ничего, продолжайте наблюдения. Вы не виноваты: это так и должно быть, — усмехнулся генерал оператору.

Капитан Петров освоился, поверил в новую машину и начал выведывать ее «характер», возможности, маневренность. Но с земли его одернули, приказав вернуться в горизонтальный полет. «Голубая стрела» стала стремительно выписывать над морем и берегом гигантскую «восьмерку».

— «Стрела» поет, товарищ полковник, — доложил радист.

— Что, что? — не понял и сердито удивился полковник. — Точно докладывайте.

— Есть! Капитан Петров поет марш летчиков.

— Теперь — ясно. — Полковник оглянулся на членов комиссии и вместе с ними улыбнулся. — Ну что ж, это — хороший знак.

Солнце пекло вовсю. Над степью дрожало море, слабые порывы ветра не освежали, а опалили людей. Петров уже налетался, «слезал на высоту» и сейчас снижался. На земле ждали его радиоинойформации о высотно-скоростном полете, но вдруг голос оператора ударил всех, как электрическая искра:

— Товарищ полковник! На экране — вторая цель! Курс... Третья цель! Еще две! Еще!..

Отстранив оператора, полковник на миг прильнул к экрану.

— Что за черт!.. Включить второй радиолокатор! Радист, запросить Петрова!

Конструктор, побледнев, метнулся к председателю комиссии. Генерал крепко взял его за руку:

— Спокойно. И не будем мешать полковнику. Здесь он хозяин.

— Товарищ полковник, весь экран забит беспорядочно движущимися целями! — доложил оператор другой радиолокационной установки.

— Товарищ полковник, «стрела» не отзывается! — как эхо прозвучал за ним голос радиста.

Полковник решительно приказал:

— Передать истребителям сигнал «зэт» и координаты 47—95. Продолжать вызов «стрелы».

— Есть!.. Сигнал передан, товарищ полковник.

Полковник машинально взглянул на часы. Прошло всего несколько секунд.

Конструктор опустил на скамейку и, ломая спички, стал прикуривать горящую папиросу.

— Сейчас выяснят, у нас было обусловлено... — ни к кому не обращаясь, начал и не договорил полковник.

Около получаса прошло в томительном ожидании и тишине, которую нарушали лишь скупые,

приглушенные фразы да монотонный голос радиста: «Стрела»... «Стрела»... «Стрела»...

Затем пришло сообщение от истребителей: «Море затянуто сплошной дымкой. В воздухе, в квадратах 46—94, 5, 6; 47—94, 5, 6 и 48—94, 5, 6, никого не обнаружено».

Полковник с тревогой посмотрел на капитана Сергеева и вполголоса приказал шифровальщику:

— Закодируйте и немедленно оповестите по радио командование, корабли и береговые части флота и МВД о пропаже самолета и летчика капитана Петрова...

3. ДЕНЬ ПРОИСШЕСТВИЙ

Занимаясь текущими делами, подполковник Кузнецов ловил себя на том, что мысли его все время возвращаются к подслушанной радиошифровке.

Кому предназначалась радиограмма? О чем она извещала адресата? Узнать последнее как можно скорее Кузнецов считал сейчас главным. Но, стремясь к этому, он не забывал и обо всем остальном.

Что известно о той особе, которая фигурировала в донесении агента и ездила в «Москвиче», оставившем следы на мысе Хорас? Не так уж много. Молодая, бездетная женщина, довольно миловидная, этакое спортивного типа блондинка, приехала в курортный город на своей машине, сняла комнату, прописалась и вскоре поступила на работу библиотекарем. Жила скромно, но не отказывалась от знакомств, любила вечерами погулять в курзале, потанцевать, принять гостей у себя дома. Но репутацию свою берегла, и даже самые вольные языки соседок не могли объявить

ее поведение предосудительным и непорядочным. Однако работники госбезопасности обратили внимание, что в числе знакомых новой горожанки оказались преимущественно моряки-офицеры и их жены. В этом ничего предосудительного не было, но Кузнецов скептически относился к случайностям и заинтересовался библиотечаршей.

Если женщина поделилась своим секретом с другой женщиной, то это уже не секрет. Библиотечарша жила ранее в пригороде Москвы и состояла в «свободном браке» с неким профессором Ивановым, которому годилась скорее в дочери, нежели в жены. Профессор подарил ей «Москвича», нежил и холил ее, но вскоре умер, так и не собравшись сделать ее своей законной женой. Квартира в Москве и сберкнижка профессора прошли мимо рук его возлюбленной. С горя она села в свой «Москвич» и уехала. «Теперь хочу по-настоящему выйти замуж. Только чтобы за офицера...» — как-то призналась она соседке.

Кузнецов навел справки. Действительно: Софья Ковальская ранее проживала в Люберцах, где по дарственной записи Иванова госавтоинспекция оформила на ее имя автомобиль «Москвич».

Что же, замужество — стремление естественное, а выбирать мужа каждый волен по-своему. Тем не менее Кузнецов решил не выпускать из виду библиотечаршу. И тогда у старшего лейтенанта Егорьева появилось «наблюдательное дело СК». Долго оно не давало никаких результатов, но вот...

Конечно, прямых улик против Ковальской пока никаких нет. Возможно даже, что «фотоаппарат» был оставлен ей каким-то лицом, которое впоследствии воспользовалось ее машиной для выезда к месту радиопередачи, — всякое бывает.

А если это дело непосредственно ее рук, то целесообразным было бы не арестовывать сейчас Ковальскую, а проследить, куда и к кому она приведет. Но иногда обстоятельства вынуждают поступаться представляющимися возможностями ради достижения целей первозначимой важности. В данном случае такой целью была расшифровка радиограммы.

Дешифровать ее могли шифровальный отдел и сам отправитель. Как сразу заметил Кузнецов, шифр был весьма тяжелым, и когда с ним справятся в отделе, предугадать нельзя.

Подполковник хорошо изучил психологию женщин-шпионок: если умело подойти, то внезапно «проваленная» и арестованная молодая женщина, как правило, истерически-шумно и со слезливым отчаянием сразу выкладывает все, что знает. Кузнецов на это и рассчитывал.

Взвесив мысленно все «за» и «против», подполковник по привычке крепко потер ладонью голову и сказал сам себе: «Да, арест сейчас нужен. Сидеть в неизвестности и ждать от дешифровальщиков «породы» мы не имеем права...»

Старший лейтенант Егорьев и лейтенант Мякин вошли в кабинет начальника как раз в тот момент, когда Кузнецов нетерпеливо взглянул на часы. Подняв глаза на пришедших, подполковник свел брови.

Егорьев сделал неопределенный жест рукой, но прежде чем он успел вымолвить слово, лейтенант Мякин набрал воздуха и, будто бросаясь с обрыва в воду, одним духом доложил:

— Товарищ подполковник, Ковальская скрылась из-под моего наблюдения.

В кабинете повисло предгрозовое затишье, только слышалось, как электроventилятор на

столе Кузнецова шелестел резиновыми крыльями.

Подполковник вышел из-за стола, мимоходом плотно затворил дверь и подошел к Мякину. Посмотрел в упор:

— Вы делаете определенные успехи, лейтенант. На той неделе ринулись на глупейшее задержание, сегодня ловкая бабенка обвела вас вокруг пальца и скрылась. А пустой автомобиль от вас не скрылся?

Сарказм вопроса не дошел до лейтенанта.

— Никак нет. Автомобиль я задержал и на нем приехал сюда.

Подполковник побагровел:

— Вы... вы...

Высказать свое мнение о Мякине Кузнецову помешал звонок телефона. Подняв трубку, подполковник махнул рукой на лейтенанта: «Идите», — и, окончив короткий разговор, обратился к Егорьеву:

— Ваше мнение.

— Либо она сразу же выехала, либо дотемна будет прятаться. Дорог здесь всего две, днем они легко контролируются — автобусом ехать опасно. На горах каждого человека тоже за две мили видно. Дождавшись ночи, она с меньшим риском может предпринять попытку уехать или — пешком через перевал.

— Логично... А все-таки давайте предупредим, чтобы на обоих шоссе встретили и проверили утренние автобусы... — Кузнецов посмотрел на часы: — Еще успеют. Второе. Короткую дорогу через перевал закроем «на ремонт» и весь автотранспорт пустим по береговому шоссе — для облегчения контроля. В-третьих, предупредим погранизаставы о возможном «альпинисте».

Подполковник взялся за телефон спецсвязи и, в ожидании ответа, держа трубку возле уха, сказал Егорьеву, как бы вспомнив:

— К сожалению, все мои попытки сделать из Мякина оперативника тщетны. Передайте делопроизводителю, чтобы заготовили приказ о переводе лейтенанта на канцелярскую работу. Иначе его «деятельность» государству, да и мне тоже, дорого обойдется,— невесело усмехнулся он.

...Войдя в кабинет начальника, дежурный офицер попятился, но Кузнецов жестом остановил его и, закончив разговор по телефону, спросил:

— Ну, что у вас? Давайте.

— Информационное сообщение, товарищ подполковник. В районе у полковника Сквириша военный пост ВНОС засек «цель», не отвечающую на позывные. Два наших истребителя настигли нарушивший государственную границу и пытавшийся уйти обратно самолет иностранного типа, молочно-белой окраски, без опознавательных знаков. Будучи настигнутым, нарушитель не подчинился указаниям истребителей и обстрелял их, после чего был сбит. Машина вспыхнула в воздухе и упала в море. Летчик не выпрыгнул.

— Также весело,— мрачно заметил Кузнецов.— Очень жаль, что не выпрыгнул: Сквиришу нужно было бы побеседовать с ним. У вас еще что-то есть?

— Так точно. К вам приехал начальник заставы «Береговая» капитан Кушнир.

— Просите его сюда...

Мускулистый брUNET с голубыми глазами, не теряя попусту времени, рассказал о том, что привело его сегодня к подполковнику.

Заступив на пост наблюдателя за морем, ефрейтор Бабаев оглядел влево и вправо от себя

и берег. Пограничник обратил внимание на двух «могильников»: орлы упорно кружились над ущельем «Опасным». Ефрейтор сообщил об этом на заставу. Группа солдат, высланная оттуда, обнаружила на дне ущелья изувеченный падением человеческий труп. Учитывая особые обстоятельства, капитан распорядился тело не извлекать и не осматривать, а сам поехал к Кузнецову.

— Пошлете кого-нибудь на место происшествия, товарищ подполковник? — закончил капитан.

— Час от часу не легче! — буркнул себе под нос Кузнецов. — Нет, дорогой сосед, не пошлю — сам поеду.

«Там самолеты нагличают, тут люди радируют, скрываются, разбиваются. И все это, как по заказу, именно в день начала учений флота! Еще какое-нибудь чепе — и будет «полный набор», — тревожно подумал Кузнецов, звонком вызывая дежурного.

— Старшего лейтенанта Егорьева, майора медицинской службы Веселова и моего шофера с машиной — быстро!

На море зыбь балла на три. Но с высоты тропы, выющейся по склонам береговых гор, вода казалась лениво-спокойной, бесшумной и безобидно пестрящей «беляками». Даже громада проходящего близ дизель-электрохода «Слава» воспринималась глазом, как крохотная модель на синем стекле.

От спуска без вспомогательных средств предостерегало само название ущелья — «Опасное». Пока солдаты готовили веревки, Кузнецов успел коротенько опросить дежурившего на посту на-

блюдателя ефрейтора Бабаева и его предшественника: ни тот, ни другой никаких криков о помощи не слышали. Бдительность пограничников не оставляла сомнений.

Захватив необходимое, капитан Кушнир, майор медицинской службы Веселов, Кузнецов и Егорьев спустились в ущелье.

Дно его составляли серо-зеленые известняки. Местами они были покрыты грязными песками, намытыми дождевыми потоками, местами усеяны большими и малыми глыбами камней, свалившихся с гор. Одним концом ущелье обрывалось в море. Белопенный прибой яростно бился о камень, взметал каскады брызг и наполнял ущелье шумом.

Внизу было намного прохладнее, чем наверху, а воздух насыщен влагой и солоновато-иодистым запахом моря. К этому запаху вдруг примешался другой — сладковатый и тошный. Кузнецов остановился: у большого камня в луже загустевшей крови лежал вниз лицом труп женщины.

— Тщательно осмотрите все, — округло повел рукой Кузнецов, обращаясь к Егорьеву.

Быстро окончив статический осмотр, Кузнецов с майором перевернули труп. Лицо женщины было обезображено, легкое платье — порвано. На коленях, бедрах, торсе и руках свежели ссадины, кровоподтеки и рваные раны. Машинально посмотрев вверх, майор Веселов покачал головой.

— Да-а, с такой высоты упасть...

— Завидного мало, — согласился Кузнецов, тщетно пытаясь найти хоть что-нибудь, указывающее на личность погибшей. — Вы сможете прямо здесь произвести вскрытие? Нам дорого время.

— Можно, как исключение,— согласился майор.

Кузнецов закурил и, сощурясь, стал озирать склоны ущелья. Затем направился к обрыву, заглянул вниз, осмотрелся по сторонам, в раздумье задал начальнику заставы несколько вопросов.

Подошел старший лейтенант Егорьев. Одна брючина у него была порвана, локти и колени — в земле. На лице написаны радость и досада.

— Это Ковальская, товарищ подполковник. Мадам сорвалась вниз оттуда,— указал он на то место, где тропинка, огибающая ущелье по склону горы на большой высоте, прижималась к самому обрыву.

— Человеческих следов в ущелье не обнаружено, а на склоне и внизу найдено вот это,— протянул Егорьев начальнику франтоватую гребенку с фальшивыми камушками, кожаный футляр фотокамеры с каким-то увесистым радиоаппаратом в нем вместо зеркалки и женскую сумочку.

Кузнецов первым делом открыл сумочку. В ней лежали зеркальце, платок, серебряная пудреница, губная помада, деньги, ключ от автомобиля и удостоверение шофера-любителя, вложенное в технический паспорт «Москвича», принадлежащего С. Ковальской. С фотографии в удостоверении на Кузнецова глядело хорошенькое лицо белокурой женщины.

Подполковник нахмурился и отправился к майору.

— Полейте, пожалуйста,— кивнул тот Егорьеву на банку со спиртом и подставил ковшиком пригоршни.— Ну, что я могу сказать, товарищ подполковник? Женщина лет двадцати восьми, нормального телосложения. Рост сто пятьдесят

девять сантиметров. Носила обувь тридцать шестого размера, преимущественно на высоких каблуках. Характер перелома ноги и ребер подтверждает падение с большой высоты. Все увечья на теле, конечностях, голове и лице нанесены тяжелыми тупыми и неправильно-ребристыми предметами, какими могли быть камни, встретившиеся на пути в момент скользящего падения. Множественные повреждения внутренних органов, травмы в правой височной и затылочной области являются смертельными каждое само по себе. В силу быстрой последовательности этих повреждений определить их очередность в данных условиях не представляется возможным. Следов насилия и борьбы на теле не обнаружено. Ну, что еще... Да, может, вам пригодится: погибшая ела сегодня мясо, шпроты, булку и овощи.

— Может быть, пригодится,— подтвердил Кузнецов и повернулся к старшему лейтенанту: — Ваши соображения?

Егорьев потряс «фотоаппаратом».

— Радиопередача осуществлялась при помощи вот этой штуки, которая подключалась к приемнику, установленному в «Москвиче» Ковальской, и превращала его в передатчик. Роль «интересного инкогнито» во всей этой истории еще требует своего выяснения, но, учитывая, что «фотоаппарат» находился у Ковальской, «Москвич» с радиоустановкой — тоже, я предполагаю, что передачу вела она лично, а не кто другой.

В итоге намечается такая картина. Закончив передачу, Ковальская уехала в Аштаулу, поставила в пансионате автомобиль и отправилась завтракать. Подкрепилась и тут заметила внимание к себе со стороны лейтенанта Мякина. «Потерять», «забыть» или просто выбросить куда-

либо опасную улику — «фотоаппарат» — в людной Аштауле слишком рискованно. Ковальская вынуждена была до поры до времени оставить его при себе. Увильнув от Мякина, она не уехала на автобусе, как мы допускали, а отправилась по береговой горной тропе для того, вероятно, чтобы прежде всего избавиться от улики, бросив «фотоаппарат» в ущелье или в море. И, может быть, именно бросая «фотоаппарат», — женщины не мастики бросать, — она оступилась и упала.

— Всего вероятней это случайность. Следов борьбы на теле нет, а на самоубийство, да еще таким способом, эта особа вряд ли решилась бы. Да к тому у нее и особых причин еще не было, — пожал плечами капитан Кушнир.

— На самоубийство подобные особы, действительно, редко идут, — согласился Кузнецов. — Ну, что же, нам здесь делать больше нечего. Вы, товарищ капитан, распорядитесь насчет тела? Зыбь утихает, я думаю, лучше будет не тащить наверх, а принять его в шлюпку.

Выбравшись на тропу, он черкнул в блокноте несколько фраз, вырвал лист и вручил Егорьеву. Прочитав задание, тот с удивлением уставился на Кузнецова.

— Ясно? Выполняйте, — улыбнулся подполковник. — А чего вы сюда прикатили? — обратился он к дежурному офицеру.

— Вас догонял, да вот не захватил малость, товарищ подполковник. Только вы уехали — поступило спецсообщение...

Дежурный бросил на седло мотоцикла свои перчатки и, приблизившись к начальнику, тихо закончил:

— При странных обстоятельствах во время ис-

питания в воздухе пропала «Голубая стрела» вместе с летчиком.

Кузнецов изменился в лице:

— Этого только и не хватало! Ну и денек!..

4. ПРОИСШЕСТВИЕ В ВОЗДУХЕ

Петров чувствовал себя в воздухе прекрасно. «Голубая стрела», как живая, понятно и чутко отзывалась на каждое движение летчика.

«Голубая стрела» во всех отношениях показала себя отлично. В душе испытателя пели радость и гордость за коллектив замечательных специалистов, воплотивших в этой быстрорежущей небо металлической стреле свои мечты.

Огромное воздушное пространство над аэродромом было сегодня запретным для полетов всем самолетам, кроме «Голубой стрелы». Петрову незачем было поминутно осматриваться и наблюдать за воздухом. Он мог спокойно сосредоточиться на поведении машины, внимательно следить за приборами, что и делал, время от времени переговариваясь с землей, отвечая на вопросы членов комиссии или сообщая им свои впечатления и замечания насчет «Голубой стрелы».

Выписывая огромную восьмерку над сушей и морем, летчик с уважением поглядывал на укрепленный в кабине небольшой баллон с нарисованной на нем голубой стрелой: время полета для обычных машин этого типа уже истекло, а указатель расхода горючего свидетельствовал, что «Голубая стрела» сожгла всего одну пятую своей заправки!

Голубая стрела на баллоне не была случайностью. Ее изображение имелось на всех деталях,

блоках и узлах — она удостоверяла принадлежность именно к этой модели самолета. Оберегая рождение машины от посторонних глаз, ее делали по частям в разных концах страны. Какой-либо завод получал «немой» чертеж, по которому изготавливал деталь, клеймил ее стрелой, ставил номер и отправлял по назначению. Таким образом, даже если на заводе таился враг, то он никак не мог узнать, для чего предназначалась эта деталь.

Из разных областей по воздуху, воде и суше эти детали и части свозились на Н-ский аэродром, где в большом приземистом камуфлированном здании особо доверенные специалисты собирали их воедино. Так была собрана «Голубая стрела», так заканчивалась сейчас сборкой «Голубая стрела-2» — самолет-дубль, облетывать который поручили капитану Сергею Сергееву. Новые машины были окрашены не простой, а экспериментальной краской, она пока еще не совсем скрывала самолет от всевидящего ока радиолокатора, но уже значительно ослабляла отражение импульса.

А «Голубая стрела» все летала и летала... «Замечательная машина! — окончательно влюбился в нее Петров. — Эх, Наташенька, вот бы посмотрела, какой твой папка самулек оседлал!» — мысленно обратился он к дочурке, которая вместо «самолет» выговаривала «самулек» и рисовала папку обязательно верхом на фантастическом летательном аппарате, похожем на три сросшихся огурца.

Петров радировал на землю: «Машина ведет себя отлично. В технических возможностях и на-

дежности ее уверен. Хочу пойти на высоту». После небольшой паузы (видимо, на аэродроме совещались), получив в ответ «добро» председателя комиссии, летчик включил кислородный аппарат и стал набирать высоту. С высотой Петров постепенно форсировал двигатели — скорость «Голубой стрелы» все возрастала.

Вдруг с самолетом что-то произошло: машину начало трясти — летчику показалось, будто кто-то рванул из его рук штурвал управления. Стиснув зубы, Петров вцепился в него обеими руками. В тревоге бросил взгляд на приборы: указатель скорости лихорадило на скорости звука и — ни туда ни сюда! Уяснив причину, Петров обеспокоился: выдержит ли «Голубая стрела» этакую трясучку? Ощущение было таким, словно безрессорную колымагу мчат по булыжникам ретивые кони — вот-вот оборвутся внутренности!

Напрягая все силы, Петров едва удерживал самолет в прямолинейном полете: машина стала упрямой, плохо слушалась рулей. На секунду сняв со штурвала одну руку, сбавил скорость, самолет успокоился. Петров выровнял его и повел на снижение. Выключив кислородный аппарат, он сдвинул со лба шлем вместе с влажным подшлемником и вытер рукавом лицо. Потом стал осматриваться.

И море и землю застилала дымка. Петров включил радиолокатор: заскользив по экрану панорамного индикатора, голубоватый луч стал вырисовывать контурную карту кромки берега. «Где же это я? Ага, над Малыми глубинами, как будто...»

Не будучи уверенным в точности мгновенной ориентировки, — он ведь был не здешним летчиком, — Петров задержал взгляд на экране радио-

локатора. В этот момент «Голубая стрела», как раненая птица, содрогнулась и, накреньясь, резко пошла вниз.

Капитан Петров не успел ни ощутить, ни осознать, что произошло — на мгновение он потерял сознание, а придя в себя, ужаснулся: вместо правой плоскости из тела самолета торчали какие-то металлические лохмотья! «Голубая стрела» стремительно и беспорядочно падала.

Голову стискивал какой-то обруч, в глазах плыли радужные круги. Превозмогая тупую апатию, летчик поставил ноги на «стремена» сиденья, рванул справа у бедра красный рычаг и...

«Голубая стрела» врезалась в воду прежде, чем Петров повис в воздухе на стропах. Как катапульта выбросила его вместе с сиденьем из машины, как он опустился на парашюте, — Петров помнил смутно. Окончательно он пришел в себя, когда оказался в воде. Спасательный жилет сработал безотказно. Подтянув за шкертик привязанную к поясу и автоматически уже надувшуюся лодочку, летчик влез в нее, выплескал воду и растянулся на яркооранжевом шелку, тщетно сясь сообразить, что же произошло с «Голубой стрелой».

Петров не видел, не знал, что на него со стороны солнца с большой высоты спикировал самолет молочно-белой окраски без опознавательных знаков. Выбросив в воздух тысячи листов металлизированной бумаги, хищник настиг «Голубую стрелу» и прицельно ударил по ней из пушки короткой очередью. «Голубая стрела» рухнула вниз.

Защищенный от радиолокаторов множеством танцующих в воздухе листов металлизированной

бумаги, неизвестный летчик полетел по спирали, наблюдая за «Голубой стрелой». Приборы точно засекли место ее падения в воду. Воздушный пират, досадуя, что не может пользоваться микрофоном, торопливо выстукал ключом в эфир радиошифровку с точными координатами и ринулся прочь.

Воровски сбив над чужой территорией невооруженный самолет, неизвестный авиабандит стал спасать свою шкуру. Он понимал, что сию минуту здесь появятся советские истребители. Пользуясь защитой от радиолокаторов, пират рванулся не прямо к границе, а в сторону — параллельно ей. Расчет его был прост: немедленно умчаться из района места происшествия в неожиданном для погони направлении, а там уже перескочить границу и — поминай как звали!

Человеку, сидящему за штурвалом самолета-чирата, было жутко. Пересечь первоначально советскую границу ему помог буксировщик, отвлекший внимание ПВО на себя. А вот удастся ли сейчас вырваться обратно — вопрос!..

...Невдалеке от места падения Петрова находился район боевой подготовки кораблей флота. Тяжело переживая аварию машины, летчик за себя не беспокоился ничуть: он знал, что корабли или самолеты не замедлят прийти к нему на помощь.

Действительно, едва Петров устроился в своей лодочке, как поблизости, вспахивая обводами синюю зыбь, показалась рубка подводной лодки. Она, видимо, уже нацелилась уйти под воду, но, заметив яркооранжевое пятно, взяла курс на потерпевшего аварию. Через минуту лодка была рядом — над крохотным мостиком показались

голова и плечи офицера средних лет. Сняв фуражку, он помахал ею летчику.

— Не пострадали?.. Слава богу!..

Двое матросов, один маленький, в синем берете, другой рослый, в бескозырке с золотым тиснением «Черноморский флот», ловко и бережно помогли Петрову выбраться из вертлявой «резинки». На мостик он взошел сам. Капитан третьего ранга — командир лодки — улыбнулся Петрову со всей радостью, какую только могло выразить его властное, выбритое до синевы лицо.

— Прощу, — крепко пожав руку спасенному, указал он вниз и, спустившись следом, заdraил за собой рубочный люк.

5. В РАЙОНЕ МАЛЫХ ГЛУБИН

Струя воды из брандспойта с силой хлестала по якорной цепи, смывая с нее ил и грязь. В лучах солнца искрились тысячи брызг, веселые ручейки бежали по светлой крашеной палубе. Чистая, поблескивающая цепь, роняя капли воды, сматывалась лебедкой брашпиля.

— Якорь чист! — громко доложил на мостик боцман Агеев.

С высоты мостика капитан-лейтенант Карев придирчиво оглядел еще раз весь корабль и передвинул ручку телеграфа левой машины на «малый вперед». Сторожевой пограничный корабль «БО-555» стал отходить от стенки, направляясь к выходу из бухты Незаметной.

На береговом посту подняли сигнал «добро». «БО» ускорил ход, и вскоре зеркальногладкая вода бухты сменилась сине-зеленой зыбью моря.

Кроме капитан-лейтенанта Карева, на мостике находились вахтенный офицер — штурман кораб-

ля лейтенант Кокорин, заместитель командира корабля по политической части майор Сушко и двое сигнальщиков.

Корабль стало мерно покачивать — шли лагом к волне. Горизонт терялся за легкой дымкой, которая в непосредственной близости не ощущалась совершенно и не мешала волне играть яркими, теплыми бликами солнца. Очень высокий, худощавый Карев с наслаждением вдохнул всей грудью морской воздух и тут же, согнав с лица благодущие, приказал Кокорину:

— Товарищ лейтенант, боевая тревога!

— Есть, боевая тревога! — лихо, с удовольствием отчеканил тот, надавив кнопку.

По всему кораблю раздался громкий, требовательный сигнал. На палубу стремительно выпали матросы в робах — пробарабанили ботинками по гулким листам палубы, быстро заняли свои места, расчехлили орудия.

Приняв рапорты, лейтенант доложил Кареву:

— Товарищ капитан-лейтенант, корабль к бою изготовлен!

Карев посмотрел на часы:

— Хорошо... Товарищ Сушко, пройдите по боевым постам.

— Есть! — приложил Сушко руку к виску и сбежал по трапу на палубу.

После короткого обхода механиков, радистов, комендоров Сушко вернулся на мостик и доложил командиру корабля, что на боевых постах все безупречно.

По знаку командира лейтенант объявил: «Отбой боевой тревоги. Второй смене заступить на вахту».

Даль задерживалась синей дымкой. Кокорин взял пеленг на едва видимый свинцовый силуэт Хораса

и на более близкий мыс Фиолетовый. Корабль продолжал мерно покачиваться с борта на борт.

Карев приказал лейтенанту:

— Определитесь без береговых ориентиров, проложите курс и идите на линию дозора. Как будем выходить — доложите. Прокладку я проверю.

— Есть, — отдавая честь командиру, ответил Кокорин и широко улыбнулся. Эта постоянная улыбка убедительно свидетельствовала, что море, корабль, лейтенантские погоны и двадцать два года от роду — прекрасное сочетание.

Капитан-лейтенант Карев и майор Сушко направились вниз. На третьей ступеньке трапа командир обернулся. Лицо его оказалось почти на одном уровне с лицом лейтенанта.

— Поставь-ка акустика, — неофициально, вполголоса сказал он лейтенанту и, вдруг подмигнув его улыбке, пошел дальше.

Кокорин нагнулся к переговорной трубе:

— Открыть гидроакустическую вахту! Начать поиск в секторе шестьдесят градусов левого и правого бортов.

Искорки такого мальчишества изредка проявлялись в отношениях между командиром корабля и лейтенантом. Карев был всего на шесть лет старше Кокорина, а кроме того, их связывала давняя дружба. Оба они были сыновьями офицеров, погибших на войне, оба учились в одном Нахимовском училище, затем год — в военноморском (Кокорин пришел на первый курс, когда Карев закончил третий), встретились уже офицерами, а теперь служили на одном корабле, командовать которым не так давно стал капитан-лейтенант. Карев спрашивал службу со своего «ко-решка» строже, чем прежний командир, особен-

но — по штурманскому делу, в каком сам был мастак изрядный. Зато наедине, вне службы, Кокорин подшучивал над рано облысевшим Каревым, называя его «товарищ бывший блондин», чего никогда не позволил бы себе с прежним командиром.

Перешагнув через высокий порог двери в офицерский отсек, майор Сушко на ходу пожал капитан-лейтенанту руку:

— Спасибо.

— За что? — удивился Карев.

— За то, что поднатаскали меня по гидроакустике: сегодня я уже уверенно подошел к этому посту.

— Да полно, — сказал Карев.

Сушко был старше Карева и годами, и партажем, и даже по званию, что в начале их совместной службы весьма смущало молодого командира корабля. Но теперь Карева и Сушко уже связывала хорошая, хотя и невысказанная дружба и взаимное уважение. Прежде майор служил в подразделениях береговой обороны. Не имея специального морского образования, он охотно перенимал знания у культурного, умного, видящего перспективу Карева, а тот в свою очередь многому учился у Сушко.

Слова русского флотоводца Макарова «в море — дома» как нельзя более относятся к советским морякам-пограничникам. Зимой и летом, в зной и в стужу, в штиль и сильную бурю, когда на береговых постах вывешиваются штормовые сигналы, запрещающие плавание, а все корабли укрываются в бухтах, выходят в море сторожевые корабли пограничного флота. С потушен-

ными огнями идут они на линию дозора и патрулируют морские границы своего Отечества. День и ночь в боевой готовности не смыкают глаз матросы, старшины, мичманы и офицеры — скромные и отважные стражи морских рубежей Родины. Смело ведут они свои корабли, бдительно вглядываются вдаль, стерегут советские воды. Мины, «блуждающие» на пути наших пароходов, «рыбаки» с кольтами за пазухой, воздушные шары с мерзостными листовками, «унесенные ветром» шлюпки, а то и вылезающий из воды «курортник» — со всяким приходится сталкиваться морским пограничникам.

...Обсудив с Сушко план занятий личного состава, капитан-лейтенант Карев на полчаса прилег отдохнуть, затем поднялся на мостик. Погода попрежнему радовала: солнце, легкий морской бриз. Зыбь постепенно исчезала.

Засвистела переговорная труба из радиорубки. Карев выслушал доклад и скомандовал лейтенанту:

— Право на борт, курс сто двадцать!

Лейтенант громко повторил команду рулевому и вместе с майором подошел к командиру.

— Радио с берега: ориентировочно в квадрате 47—95 потерпел аварию военно-морской летчик капитан Петров. Мы идем на линию дозора через Малые глубины, — пояснил им Карев.

— Впритирку к району флотских учений, — подумал вслух Кокорин. — А зачем? Ведь их корабли скорее нас подойдут — там рядом.

— Эх, моряк! — прищурился на него командир. Лейтенант покраснел.

Вопреки ожиданиям в Малых глубинах воен-

ных кораблей не оказалось. На горизонте, правда, сигнальщик заметил силуэты двух кораблей, но и они скрылись. До пограничников донеслись лишь раскаты орудийных залпов. «БО» взял курс на линию дозора.

Прозвучала команда обедать. Свободные от вахты моряки заспешили в кубрик. Офицеры тоже направились в кают-компанию, но от борща их отвлек голос сигнальщика.

— Справа, курсовой двадцать. Яркий предмет на воде! Дистанция два с половиной кабельтова!

Через несколько минут на борт «БО» была поднята яркооранжевая надувная спасательная лодочка-«резинка». Конец шкерта размочалился в воде, и было непонятно, оборван он, отвязан или обрезан. Офицеры и «такелажный бог» мичман Агеев осмотрели шкерт так и сяк, но к единому мнению не пришли: пользовался летчик лодкой или упустил ее.

— Сам факт появления лодки на воде говорит за то, что в момент приземления, вернее — приводнения, летчик имел силы и был в сознании. Почему? Потому что лодка освобождается от своего чехла только после того, как парашютист отцепится от парашюта, — рассудил командир.

— Выходит, что летчик либо утонул, либо спасен? — спросил лейтенант. — Но о спасении его нам не сообщали.

— Однако и военных кораблей мы здесь тоже не видим. А они непременно были бы тут, если летчик еще не спасен, — заметил майор.

— Но если летчика подобрали, то подобрали бы и лодку, чего же добру пропадать? — хозяйственно решил боцман. — Вероятно, летчик оторвался от лодки, а потом уже не смог поймать ее на зыби и — утонул.

Лейтенант вдруг радостно воскликнул:

— А жилет? Спасательный жилет?.. Если летчик и потерял лодку, то все равно утонуть не мог.

— Верно, — согласился командир. — Может быть, он уже и впрямь спасен?.. Лодка еще ни о чем не говорит — мало ли что и как в море бывает.

— А почему же сообщений о спасении нет?

— Учения, — пожал плечами командир. — Возможно, летчика спасла подводная лодка, взяла на борт, а радировать пока не стала, чтобы «противник» не засек ее до выполнения задачи.

И официально приказал:

— Лечь на обратный курс, продолжать поиск человека. Сообщить на берег о находке и запросить — нет ли сведений о разыскиваемом.

Карев решил плотным зигзагом избороздить тот квадрат, в котором, учитывая волну и ветер, вероятнее всего мог находиться потерпевший аварию летчик. Но делать этого не пришлось — с берега поступила радиограмма, что капитан Петров спасен.

— Вот и отлично! — вместе со всей командой сердечно порадовался за неизвестного летчика Карев. — Лево на борт!..

«БО» развернулся и средним ходом пошел параллельно и близ линии района учений флота, держа курс к государственному рубежу.

Корабль вошел в Малые глубины. Занимая площадь, равную примерно Финскому заливу, от берега далеко в море вдавался как бы полуостров, не достигший поверхности воды — резкая приподнятость дна. Этот подводный полуостров так и назывался Малые глубины, хотя глубина моря тут была сама по себе не так уж мала.

Корабль Карева пересекал своим курсом тот

район Малых глубин, который близко примыкал, но не входил в зону учений кораблей флота.

Кок подогрел остывший было обед, и вестовой, балансируя на крутом трапе фарфоровой супницей, доставил ее в кают-компанию. Но в этот день наваристому борщу суждено было во второй раз остынуть на обеденном столе. Едва офицеры снова собрались в кают-компанию, переговорная труба с мостика голосом лейтенанта Кокорина доложила командиру: «Акустик подозревает подводную лодку. Эхопеленг изменяется влево».

— Боевая тревога! — приказал капитан-лейтенант и, буркнув «что за черт», поспешил наверх.

На палубе мчались по своим боевым постам матросы, раздавались команды старшин.

Словно невидимым прожектором, шаря под водой лучом ультразвука, акустик «нащупал» на дне «цель». Несмотря на то, что «цель» покоилась неподвижно на грунте, опытный акустик по металлическому тону эхопеленга заподозрил, что это не скала, не что-либо другое, а корабельный корпус. Когда командир поднялся на мостик, «БО» шел, имея «цель» слева на траверзе.

— Идти прежним курсом, держать «цель» в пеленге, — приказал Карев, скрываясь в рубке.

Не доверяя своей памяти, капитан-лейтенант быстро проверил в лоции: никаких затонувших судов в этой точке моря не было. Карев взбежал на мостик:

— Лево на борт! — и передернул ручки машинного телеграфа на «полный вперед». — Эхо?..

— Есть эхо! Пеленг — три-пять-два. Сближение, — отозвался акустик.

Затем последовал доклад:

— Пеленг — ноль. Сближение.

— Так держать! — приказал Карев рулевому.

Гребнистые всплески волн хлестали «БО» по железным «скулам» и разлетались брызгами. Корабль шел полным ходом. С мостика лейтенант и майор наблюдали за командиром и людьми, привычно застывшими в боевой готовности на палубе.

— Товарищ капитан-лейтенант, корабль изменил курс? — спросил снизу акустик.

— Нет. А что?

— Эхопеленг изменяется вправо, ноль-один-ноль.

— Перейти в режим шумопеленгования!

— Есть!.. — Короткая пауза, и акустик доносит: — Отчетливо слышу шум винтов подводной лодки!

Лейтенант с майором переглянулись: каков молодец акустик! Но что это за лодка? Почему она вылезла из района учений? Ошибка молодого командира? Или враг?..

Карев поднес к губам микрофон, и по всему кораблю разнеслось: «Атака подводной лодки! Атака подводной лодки!»

До лодки двести пятьдесят метров. Командир нахмурился, стиснул кулаки. Резко повернулся, приказал:

— Малую серию глубинных бомб по первому поясу изготовить!

Майор Сушко никогда не вмешивался в действия командира на мостике, но на этот раз, наблюдая, как на корме у бомбосбрасывателей матросы вставляют взрыватели в черные блестящие цилиндры, взял Карева за руку:

— Вы действительно бомбить собираетесь?

— Нет, салютовать буду, — зло усмехнулся Карев.

Сушко забеспокоился:

— Иван Юрьевич, вы что? Ведь лодка же почти в районе учений...

— Вот это меня и тревожит.

— Я все понимаю, но нельзя же так! Надо немедленно запросить штаб флота, выяснить...

— Мне некогда выяснять, лодка сейчас нырнет на глубину, прижмется к обрыву Малых глубин и увильнет. Я обязан действовать, а не...

— Верно. Но ведь может же быть ошибка — всего каких-то полторы мили! Молодой командир — просчитался и выскочил из района... А мы погубим людей, корабль. Наших людей!

— Советский офицер не может ошибиться в курсе!

Майор взглянул на морщины, тяжело залегшие по углам рта и на переносье Карева, и отступил, приложив руку к фуражке.

Корабль настиг лодку как раз в тот момент, когда она подроспела к обрыву Малых глубин. Настала решающая минута: или — или. Лейтенант, майор и даже сигнальщик, затаив дыхание, впились взглядами в командира. Тот на миг зажмурился, потом решительно, с силой надавил кнопку. На корме взвыл ревун, вспыхнула синяя лампа.

— Бомбы — товсь!

— Первая!..

Смертоносные цилиндры сорвались в белопенную закипь за кормой. Из моря с ревом взметнулись столбы воды.

— Вторая!..

С гидроакустического поста доложили, что шум винтов прекратился, а эхопеленгационный контакт с лодкой потерян.

...На поверхности воды расплывалось большое пятно. С борта «БО» люди напряженно вглядывались в сине-зеленую зыбь, подернутую и сглаженную радужной пленкой соляра и масла. Пленку рябили пузырьки. Из-под воды вырвался большой пузырь воздуха, всплыли какие-то обломки, предметы.

Среди них было извлечено что-то блинчато-круглое и доставлено на борт командиру корабля. В руках Карева оказалась мокрая матросская бескозырка. Капитан-лейтенант посмотрел на ленточку: «Черноморский флот».

— Отбой боевой тревоги,— хрипло сказал Карев лейтенанту и, ссутулясь, ни на кого не глядя, ушел в офицерский отсек. За ним пошел замполит.

На палубе повисла тяжелая тишина.

— Своих накрыли... Эх! — с горькой досадой вздохнул кто-то из матросов.

6. ПОД ВОДОЙ

С воздуха капитан Петров не раз видел подводные лодки и даже атаковал и топил их еще во время войны. Относительно близко, с берега, тоже как-то рассматривал, но внутри никогда не бывал. Несмотря на все только что пережитое, он спускался внутрь лодки не без любопытства.

Теснота, обилие приборов, густое переплетение электро- и воздухопроводов, масса всяких маховичков, ручек, краников, вентиляей — все это отдаленно напоминало летчику внутренность большого самолета.

Однако Петров не успел почти ничего рассмотреть: проведя его сквозь центральный пост

управления, командир лодки пригласил летчика в свою крохотную каюту и затворил дверь.

— Прежде всего познакомимся. Капитан третьего ранга Османов,— представился он Петрову и весело улыбнулся.— А теперь нужно переодеться в сухое. Что бы вам предложить?.. Ага!

Моряк извлек из шкафчика фуфайку, брюки, клетчатый пиджак и бросил на койку.

— Прошу. Недавно были за границей, купил кое-какое барахлишко. Пожалуй, великовато вам будет, но уж не обессудьте, капитан.

— Да что вы. Спасибо... Но хотелось бы прежде всего сообщить своим, что я спасен.

— Сообщить?.. Конечно! Тем более, что мы сейчас пойдем на погружение. На какой волне ведется прием?

— Семнадцать и две десятых,— ныряя в фуфайку, сказал Петров.

Османов вышел из каюты и очень скоро вернулся. Приоткрыв дверь, позвал Петрова:

— Товарищ капитан, может, сами сообщите? Рация настроена.

— Сам? Ну что же...— Петров пошел с командиром лодки к рации. Капитан третьего ранга вдруг остановился, что-то соображая. Улыбнулся Петрову.

— Только, знаете, о чем я попрошу вас? Не говорите, что вы на лодке. Ведь мы здесь на учениях... Понимаете? Подслушают «синие» — задачу не выполню, оценку получу плохую. Скажите, что на сейнер попали. А потом объясним.

— Понимаю.

Петров взял микрофон.

— «Лук», «Лук»... Я — «Стрела», я — «Стрела»... Слышите меня? Прыжок с парашютом прошел благополучно. Меня подобрал рыболовецкий сейнер, чувствую себя нормально. Здоров. Скоро

буду... Вот тут капитан подсказывает — часа через четыре — пять будем в Аштауле...

— Все? Ну, вот и замечательно,— произнес Османов и скомандовал: — Срочное погружение!.. Штурман, ведите корабль...

Вернувшись с Петровым в каюту, моряк гостеприимно усадил его в единственное маленькое кресло, а сам сел на койку. Потом он извлек из шкафчика бутылку и две рюмки, налил, протянул летчику:

— За встречу! Весьма рад, что именно мы нашли вас.

— А вы искали?

Капитан третьего ранга блеснул откровенной улыбкой.

— По правде говоря, нет. Всплыли на короткое время, чтобы принять радиограмму, смотрим — вы на своем апельсиновом крейсере шпарите, так сказать, под флагом стрэгл фор лайф... Вы по-английски понимаете?

Петров изрядно читал по-английски, прилично понимал, но говорил плохо и, будучи скромным человеком, энергично замотал головой: нет.

— Что же так? Каждый моряк должен знать английский язык.

— Какой же я моряк,— засмеялся Петров.

— Все равно, форму носите... Я, например, три языка знаю. Впрочем, у нас на флоте даже матросы владеют языком. Возьмите хоть мою лодку. Команда сплоченная, дружная, все — отличные специалисты. И на культуру нажимаем. Между делом английский освоили. А здорово у них получается. Вот, посмотрите...

Капитан третьего ранга взял микрофон и объявил:

— По лодке! Перейти на иностранный язык.

«Здорово! Молодцы!» — восхитился Петров, но тут же представив себе, каким рискованным стал бы полет, если бы экипаж самолета вдруг перешел с родного языка на любой другой, забеспокоился:

— Вы что же, и под водой так пойдете?

Османов расхохотался.

— Дорогой, да мы уже двадцать минут как погрузились!..

В каюту протиснулся старший лейтенант — штурман. Небрежно козырнув, спросил:

— Товарищ капитан третьего...

— Отставить!

— Ах, да, — спохватился штурман и заговорил не по-русски.

— Дайте сюда радиogramму, — прервал его Османов и заглянул в поданную бумагу: — Так... Квадрат — эпсилон-девять, подквадрат — шесть. Ну, и что же? Координаты указаны без ошибок, а в точности установления их летчиком мы сомневаться не имеем никаких оснований. Следуйте точно в подквадрат шесть и ложитесь на грунт.

Капитан Петров понял сказанное и удивился. Станными показались ему эти квадраты и сам разговор о них на «непонятном» для гостя языке! Петров простодушно спросил Османова:

— На каком это языке вы объяснялись?

— На английском же. Штурман мой сомневается в координатах, переданных нам самолетом-разведчиком. На учениях штаб «красных» разработал свою координатную сетку района, а мы привыкли к общепринятой на флоте — ну, и путается штурман...

У Петрова отлегло от сердца. Османов потрепал его по колену и встал с койки:

— Соловья баснями не кормят. Закусите и ло-

житесь отдохнуть. Я же пойду, а то как бы и впрямь штурман чего не напутал. Кстати, вы на подводной лодке никогда не плавали?

— Да нет, как-то не приходилось.

— И не жалеете: в общем-то дрянная у нас служба. Но потом я покажу вам все же кое-что интересное. Добро?..

Командир лодки ушел. Петров последовал его совету и принялся за консервы. Но еда не шла в горло. Отодвинув тарелку, летчик минутку посидел в задумчивости, затем лег на койку. Полет и авария действительно утомили его.

Под водой лодка шла очень спокойно. По корпусу разносилось легкое жужжание электромоторов, шелкали механизмы, изредка слышались отрывистые слова команды, шаги, шипенье воздуха в бесчисленных вентилях и клапанах. Незаметно для себя Петров задремал.

Проснулся он от прикосновения чьей-то руки. Кругом царил тишина. Электромоторы не работали, сама лодка, чуть накренившись, находилась в состоянии полного покоя. Над летчиком склонился штурман: «Товарищ капитан, пойдете...»

Рядом со штурманом стоял еще один офицер — плотный блондин с красным лицом, которого Петров мимоходом видел в центральном посту.

— Помощник командира лодки капитан-лейтенант Власов, — отрекомендовался он летчику хрипловатым голосом.

Петрова повели по лодке. В отсеках почти все с любопытством оглядывались на летчика, но он не замечал этого — шел, сосредоточив внимание на том, чтобы не расшибить лицо о всякие трубопроводы, рычажки и краники, не застрять в узких округлых дверях с высокими порогами.

В носовом отсеке у горизонтально расположенных толстых труб стояли командир лодки и два матроса. Тут же в трусах, тельняшке и спасательном жилете поверх нее копошился, проверяя в тесноте какое-то снаряжение, мускулистый мужчина лет сорока.

— Вот это — торпедный аппарат, основное оружие подводной лодки,— похлопал по трубе капитан третьего ранга, обращаясь к летчику.— Вам, вероятно, приходилось читать или видеть в кино, как этот аппарат используют для выбрасывания на поверхность разведчика или связного, который сообщает об аварии лодки, и так далее?.. Ну, вот. А сейчас мы вам покажем, как это делается в действительности.

Мужчина в тельняшке стал натягивать на лицо маску, похожую на противогазную. Резиновым гофрированным шлангом маска соединялась с небольшим прямоугольным мешком, по бокам которого виднелись два металлических баллона. Вся эта система держалась с помощью лямок на груди моряка.

— Перед вами человек в легководолазном костюме,— пояснил летчику Османов.— Сейчас мы этого водолаза через торпедный аппарат выпустим в воду.

— Для чего? — спросил Петров, с интересом наблюдая за подготовкой водолаза.

Офицеры-подводники переглянулись и расхохотались. Петров уловил в этом смехе скрытую насмешку над собой и чуть покраснел.

— Вы не обижайтесь,— все еще посмеиваясь, успокоил его Османов.— Просто мы вспомнили случай, когда такой же вопрос был нам задан в иных обстоятельствах одной особой. Мы тогда

подошли к своей плавбазе, а на базу прибыла... Готовы? Начали! — прервав себя, скомандовал Османов матросам.

Ни рассказа, ни ответа на вопрос Петрова так и не последовало.

Один из матросов присоединил к наушникам в маске водолаза телефонный провод, другой обвязал его талию тоненьким прочным тросом. Водолаз надел «груза», сумку, — видимо, с инструментами — и прикрепил сильный аккумуляторный фонарь.

Потом он неловко залез в тесный цилиндр торпедного аппарата. Матросы задраили крышку.

...Изнутри глухо прозвучал один удар. Османов предложил Петрову приложить ухо к трубе. Летчик расслышал тихое шипенье и бульканье. Потом в трубе вторично стукнуло, послышалась какая-то возня, и все стихло.

— Ну, вот, водолаз уже вышел. Видите, как все просто, — улыбнулся Петрову Османов. — Теперь пойдем к телефону, в центральный пост. К сожалению, у нас там так тесно...

Петров понял вежливый намек и вернулся в каюту. Офицеры остались явно довольны его догадливостью, они заметно волновались.

Одно только изумляло и даже озадачивало летчика: в такие, видимо, серьезные и ответственные минуты, моряки продолжали говорить между собой на иностранном языке. Уж не боятся ли, как бы Петров не понял их? Странно! Ведь он — офицер, коммунист.

Летчик уже сознательно стал прислушиваться к разговорам, доносившимся через приоткрытую дверь каюты, расположенной рядом с центральным постом.

Повидимому, Османов следил за продвижением в воде водолаза и руководил им.

— Ну что?.. Ну что?..— то и дело спрашивал штурман у командира.

Тот отмалчивался, но через некоторое время воскликнул:

— Есть! Нашел!

Кто-то захлопал в ладоши.

— Цыц! — прикрикнул Власов.

Снова долгие паузы, редкие, скупые и неразборчивые фразы командира. Судя по интонации, он злился и торопил водолаза.

Внезапно прозвучал сигнал электрофона, и испуганный голос старшего лейтенанта известил командира:

«Слышен шум винтов корабля! Похоже — типа «БО».

В лодке наступила абсолютная тишина. Петров выглянул из каюты. Османов с суровым, властным лицом, Власов и штурман с округлившимися глазами, стояли и глядели на низкий подволок центрального поста. Петрову показалось, что и он различает над лодкой шум винтов.

Часы громко отсчитывали секунды.

— Прошли,— успокоительно заметил Османов и снова приник к телефону.

— Что он там? — хриловато спросил помощник.

— Нашел! Снимает баллон со стрелой!

Петров почувствовал невероятное смятение, за метался по каюте. Все его смутные до этого ощущения чего-то необычного и странного на лодке вылились в чудовищное подозрение.

— Корабль развернулся на сто восемьдесят и идет на нас,— доложил кто-то Османову.

— Тревога! Все по местам!

В лодке все пришло в движение. Заработали электромоторы, засуетились люди, кто-то крикнул: «Господин командир! А водолаз?»

— Черт с ним! Быстро!.. Полный вперед!..

Лодка чуть приподнялась со дна, рванулась вперед, потом в сторону.

Петров еще не успел дать себе отчет в происшедшем, как где-то поблизости от подводной лодки прогрехотали взрывы. Потом раздался страшный удар, от которого все попадали с ног. Электричество погасло.

В лодке началось что-то невообразимое. Проклятья на разных языках, вопли, искаженные лица в острых лучах фонарей, хриплая ругань Власова — все слилось в одном порыве животной паники.

«Трах! Трах!» — резанули по ушам два пистолетных выстрела.

— По местам! Постреляю сволочей! — рявкнул Османов.

Вспыхнуло аварийное освещение.

— Задрать двери! В отсеках осмотреться!..

Вторая серия глубинных бомб снова потрясла лодку.

— Имитировать попадание! Воздух, соляр, масло, обломки — живо! Советские вещи и обмундирование — за борт... Шевелитесь, ослы! Еще воздух... Прекратить всякое движение! Кто стукнет — голову разможу!..

Лодка с выключенными моторами стремительно погружалась на глубину.

И тогда, как бы очнувшись, капитан Петров схватил металлическую денежную шкатулку в каюте командира и стал яростно бить ею по железной палубе. Лодка загудела, как колокол. Кто-то рванул летчика за руку и выбил шка-

тулку. Петров увидел перед собой перекошенную физиономию Османова.

— Ты что, смерти захотел? — с заметным акцентом прошипел тот и, резко выдохнув, обрушил кулак на лицо офицера. Петров отлетел на койку, упал, ударившись затылком о стальной угольник, потерял сознание.

Османов вышел в центральный пост и сел на разномыслие у штурманского столика. Лицо его еще подергивалось, но он уже хладнокровно уставился в карту и подумал вслух:

— Где же теперь искать этого болвана? А его надо найти.

7. НА ОСТРОВЕ ОДИНОКОМ

«Девятая» волна ударила о большой камень, высоко рассыпалась солеными брызгами и, как котенка, сбросила Гудзя с камня в воду. Он вынырнул, отфыркнулся и в три — четыре взмаха доплыл до берега. Убежав от настигающей волны, Гудзь загоготал от удовольствия и похлопал себя по мокрой груди, потом быстро побежал через остров к остаткам разбитого еще в войну маяка.

Остров был небольшой, в любом направлении имел не более полусотни метров. С одной стороны он оканчивался относительно отлогим, удобным для купания берегом, а с противоположной — круто спускался в воду.

Гудзь вошел в оставшийся от маячной башни нижний этаж и первым делом заглянул в котелок — на самодельном очаге булькала и распространяла вкусный запах уха. Гудзь поспешно оделся, натянул гимнастерку с погонами сержанта-

пограничника и застучал сапогами по каменным ступеням.

Лестница вывела его на площадку уцелевшего междуэтажного перекрытия. Площадка была окружена обломками стены и напоминала цирковую арену. У наибольшего из обломков прилеплась будка с окошками для кругового обзора. Рядом с ней стоял на треноге оптический прибор.

По площадке прохаживался второй сержант-пограничник. Был он невысок, плечист, чуть кривоног, однако молодцеватая подтянутость делала его как-то выше и стройнее. На чистой, выгоревшей от солнца гимнастерке сияли пуговицы и знак «Отличный пограничник», простые кирзовые сапоги блестели. В руках сержант держал бинокль, но, судя по тому, как вглядывался он в синий простор моря, его узкие глаза не очень нуждались в дополнительной оптике.

— Кафнутдинов! Пошли уху рубать, готова,— позвал его Гудзь.

— Зачем рубать — твоя уха деревянный? Уху кушать надо,— показал в улыбке белые, как сахар, зубы Кафнутдинов, и тут же загорелое лицо его стало серьезным.— А кто меня подменит?

Гудзь махнул рукой.

— Подумаешь, на десять минут отлучиться! Все равно, смотри не смотри, ничего не увидишь — одно море...

— Зачем так говоришь? А еще сержант! Службу надо нести, как полагается. Поставили тебя смотреть — смотри...

Гудзь сбежал по лестнице вниз.

Кафнутдинов пожал плечами ему вслед и продолжал свое дело. Но Гудзь вскоре вернулся, осторожно неся две полные миски, нож, ложки и

зажатый подмышкой хлеб. Дружески подмигнул товарищу:

— Коль так, давай тут пообедаем. Сначала ты поешь, я буду наблюдать, потом поменяемся.

— Так можно,— согласился Кафнутдинов.

Гудзь быстро принес из будки скамейку — вместо стола, пригласил сержанта:

— Садись, кушай, пока горячая.

Кафнутдинов молча улыбнулся в ответ и с аппетитом принялся за еду, а Гудзь в это время стал наблюдать за горизонтом.

Крохотный остров Одинокий действительно одиноко торчал из воды миль на семь от берега в районе Малых глубин. Застава «Приморская» использовала островок для своего пограничного пикета. Катер доставлял сюда трех пограничников: старшего пикета, радиста и сигнальщика, которые трое суток несли службу на Одиноком, а затем сменялись. Каждый из состава пикета имел и дополнительные обязанности: радист и старший — наблюдателей, а сигнальщик — повара.

В этот день на островке осталось два человека: сигнальщик рядовой Липов внезапно заболел, и идущий к берегу пограничный катер забрал его с собой. Вечером пикет должен был смениться.

...Когда Кафнутдинов вернулся на пост наблюдения, Гудзь занял его место за импровизированным столом.

— С берега не сообщали, нашелся капитан Петров? — спросил Кафнутдинов. — Не знаешь? Почему не знаешь?

— Питание берегу: на исходе... Связь держу только по графику. Скоро узнаем...

Радист поднял голову и от неожиданности бросил ложку.

— Смотри, человек в море! — взволнованно крикнул он.

Не прошло и двух минут, как Гудзь, сидя в надувной лодке, уже греб изо всех сил по направлению к утопающему.

С трудом вытянув на берег обмякшее тело человека, он вытащил его в первый этаж башни. В силу необходимости Кафнутдинов на время покинул свой пост и сбежал по лестнице к радисту.

Тот стоял около расстеленной плащ-палатки и сгибом локтя вытирал мокрое лицо. У ног Гудзя лежал без сознания плотный мужчина в ботинках, трусах, флотской тельняшке и спасательном жилете поверх нее.

— Наверно, летчик... капитан Петров, — еще не отдышавшись, высказал свое предположение Гудзь. Сержант Кафнутдинов метнул на радиста горячий взгляд:

— Растирать человека надо! — и отбежал к аптечке.

Нашатырный спирт подействовал безотказно. Мужчина мутным взором посмотрел на склонившихся над ним пограничников, потом взгляд его стал осмысленным.

— Где я? На берегу?

— Живой, совсем живой! — обрадовался Кафнутдинов. — Это он вас вытащил, — указал сержант на Гудзя.

— Спасибо... — слабо улыбнулся спасенный. — Летчик я... капитан Петров.

Он попытался приподняться на локте и бесильно упал.

— Лежите, пожалуйста. Скоро доктор будет, чай будет — все будет.

Кафнутдинов отошел к лестнице и поманил к себе Гудзя.

— Ты сейчас же радируй на заставу. А я пойду... В журнал еще записать надо...

— Потом все заодно запишем.

— Полагается сразу... Ну, смотри за ним.

Кафнутдинов ушел вверх. Гудзь подошел к рации.

— Там в лодке мой баллончик остался,— встре-пенулся спасенный,— принесите его, пожалуйста, это очень важная вещь.

— Не пропадет,— заверил капитана Гудзь.— Но, коли важный...— пограничник вышел из помещения.

Тогда спасенный, легко поднявшись, по-кошачьи скользнул за ним, выглянул из дверей и метнулся назад — к рации. Схватив проволочку, зубами содрал изоляцию и накоротко замкнул клеммы батарей питания. Разрядив таким образом батареи, он выбросил проволочку и вернулся на свое место.

А Гудзь тем временем подошел к шлюпке, вынул из нее синий баллон со стрелой и вернулся с ним в башню. Спасенный лежал в том же положении, закрыв глаза. Гудзь склонился над ним:

— Как самочувствие, товарищ капитан?

— Лучше. Сил вот только нету. Грузный я для жилета оказался — пришлось плыть все время. Хорошо еще догадался, пока силы были, брюки да китель сбросить, а то вовсе утонул бы.

Гудзь помог спасенному подняться, довел до постели, уложил, укрыл шинелью.

— Ось так добре будет...

Налил из закипевшего котелка кружку чая, открыл консервы, поставил у изголовья.

— Подкрепитесь, товарищ капитан.

— Спасибо. Хорошие вы ребята. Вот на берег попадем — я уж в долгу не останусь. Далеко до берега-то?

— Далековато. Миль семь с гаком.

— Как же добраться?

— Вечером катер придет, сменяемся мы.

Гудзь подошел к рации, попробовал поработать ключом, щелкнул выключателем. Контрольный «глазок» не загорелся. Радист пожал плечами, стал проверять контакты подключения питания, предохранители. Найдя причину отказа рации, Гудзь с недоумением и досадой уставился на батареи, буркнул что-то себе под нос и пошел наверх.

Кафнутдинов с автоматом поперек груди тщательно обшаривал в бинокль горизонт. Солнце давно миновало зенит и светило уже под углом к воде. Утихающая зыбь играла в его лучах зелеными, синими, фиолетовыми и желтыми оттенками, резала глаза ослепительными бликами.

Море было пустынным. Вдалеке часа два тому назад прошел рыболовецкий сейнер — и все. Но на душе у пограничника почему-то росло беспокойство, и он настороженно всматривался в просторы глухо рокочущего моря.

Заслышав шаги, Кафнутдинов обернулся.

— Не мог передать радиogramму, батареи совсем сели,— доложил Гудзь и, заметив на камне журнал, добавил: — Там еще баллончик у меня лежит, который при спасенном был, запишем?

— Какой еще баллончик?

— Ось такой,— показал руками Гудзь,— металлический, синий, с блакитной стрелкой...

— Безобразия! — вскипел вдруг Кафнутдинов, заговорив с заметным акцентом.— Почему сразу

не сказал про баллончик? Почему ушел от задержанного?..

— Да что ты расшумелся, Кафнутдиныч? Какой он задержанный, он — спасенный. Человек назвал себя, рассказал, кто он, что он, все правильно. А ты...

— Прекратить разговоры, товарищ сержант! Шагом марш бегом на место и держать глаз на задержанном все время!

— Слушаюсь!

Через некоторое время Кафнутдинов с высоты своего поста наблюдал, как спасенный тихо прогуливался по острову, а Гудзь, сидя на камушке, следил за ним взглядом.

Новый знакомый оказался веселым и простецким человеком: рассказал Гудзю несколько забавных историй из своей летной жизни, пару армейских анекдотов.

Спасенный, насвистывая, подошел к берегу, остановился, поставил ногу на камень и долго созерцал море, как бы любуясь им. Заодно он осмотрел шлюпку, что покачивалась на волне у берега, и искоса взглянул на пограничника. Тот сидел, рассматривая белые прожилки в маленькой темносерой гальке.

Зевнув, спасенный побрел обратно к башне. Гудзь поднялся и направился туда же. Его остановил окрик с вышки:

— Товарищ сержант! Что за беспорядок, почему весла в лодке оставили? А если волна унесет?

Гудзь с удивлением посмотрел вверх на Кафнутдинова: весла у них всегда хранились в шлюпке наготове, но промолчал и, взяв весла, поспешил догнать своего подопечного.

В круглом, как юрта, помещении летчик снова растянулся на постели. Гудзь, стесняясь открыто наблюдать за офицером, стал возиться с аппаратурой и время от времени поглядывал на летчика. Тот вроде как задремал.

Проверяя и протирая аппаратуру, Гудзь раздумывал о сегодняшнем событии на островке и о своем к нему отношении. С одной стороны, сержант понимал правильность позиции, какую занял Кафнутдинов, но, с другой стороны, осуждал старшего пикета за «солдафонство». Конечно, коль скоро пограничники вытащили из воды неизвестного человека, то, независимо от того, есть у него документы или нет, пограничники не должны оказывать ему доверия, а обязаны обходиться с ним, как со всяким задержанным. Но ведь в данном случае задержанный был вовсе не задержанным, а спасенным и вполне определенным лицом, назвавшим свое имя, звание, профессию, которые точно соответствовали сведениям, полученным пикетом от начальства. Есть ли основания не доверять офицеру? Нет, конечно, Кафнутдинов малость того — перегнул...

От таких размышлений Гудзя вернуло к действительности неприятное ощущение чужого пристального взгляда. Сержант резко обернулся: спасенный явно направлялся к тому месту, где на табурете лежало оружие его спасителя. У Гудзя захватило дыхание. А летчик, потирая ладонью горло и морщась, взял кружку, зачерпнул из бочонка пресной воды, неторопливо напился и улыбнулся сержанту.

— Проклятая соль. Наглотался морской воды, теперь горло дерет — страсть!

Гудзь почувствовал облегчение.

Снаружи раздался крик Кафнутдинова:

— С юга у острова всплывает подводная лодка!

Летчик поспешил к входу, но радист опередил его и, схватив оружие, заслонил собой дверь:

— Товарищ капитан, не полагается.

Тот пожал плечами и отступил усмехаясь. Гудзь встал в дверях так, чтобы можно было наблюдать и за летчиком и за тем, что происходило снаружи.

Подводная лодка всплыла почти у самого берега. На мостике появилась фигура офицера. Золотом сверкнули погоны капитана третьего ранга. Подводник приветственно махнул фуражкой:

— Здравствуйте, орлы-пограничники! Вы тут из моря никого не вытащили?

— Здравия желаем!.. Есть, вытащили, товарищ капитан третьего ранга! — весело отозвался Гудзь.

— Капитан Петров здесь!.. — сразу закричал летчик.

Дробь каблуков по каменным ступеням преврала его. С вышки сбежал Кафнутдинов:

— Прекратить разговоры! Запросить парольный отзыв лодки!

Старший пикета занял место Гудзя, а тот схватил флажки, выбежал из помещения на берег и не очень быстро замахал ими. Офицер-подводник некоторое время иронически наблюдал за тем, как «пишет» Гудзь, а потом сердито оборвал его:

— Ну чего вы мне тут под носом размахались? Ослепли, что ли? Не валяйте дурака и быстро давайте сюда товарища капитана — нам некогда!

Резкий командирский окрик поколебал Гудзя. Он вопросительно оглянулся на Кафнутдинова.

— Не отвечать. Повторить сигнал запроса, — приказал тот.

Гудзь снова замахал флажками. Моряк закричал обозленным голосом:

— Да вы что — смеяться вздумали? На гауптвахту захотели? Смотрите — у меня не долго...

Он нагнулся и бросил в рубочный люк два — три слова. И сейчас же на верхнюю палубу выскочили три матроса с резиновой лодкой. Один из них насадил шланг на носик баллона с сжатым воздухом — лодка надулась, и ее столкнули за борт.

— Не подплывать, стрелять буду! — предупредил Гудзь.

— Вот как? Посмотрим, — усмехнулся капитан третьего ранга и, сойдя с мостика, приготовился сесть в шлюпку. Один из матросов спрыгнул в «резинку» и протянул руку своему капитану. Гудзь замешкался.

— Огонь! — приказал Кафнутдинов.

Гудзь дал короткую очередь — надувная лодка запузырила, матрос выпрыгнул из нее обратно. Командир с грубой руганью вернулся на мостик.

— Ой, будет нам лышенько, Кафнутдинов! — испугался Гудзь. — Пожалуется начальству — мы же виноватыми станем.

— Пусть! — упрямо отрезал Кафнутдинов. — А на остров все равно не пущу никого. Устав знаешь? Ну и все.

Отработав задний ход, лодка чуть отошла и стала бортом к острову. Кафнутдинов окинул глазом ее обводы и стиснул зубы до желваков на щеках: вздернутый нос, скошенная рубка, гладкая без пушек и пулеметов палуба подсказали сержанту, что перед ним — иностранная подводная лодка последней конструкции.

С лодки просемафорили: «Приказываю немедленно доставить офицера на корабль или не пре-

пятствовать подходу нашей шлюпки за ним. Иначе буду действовать со всей строгостью устава».

— Пиши: «Нет, точка, спуск шлюпки запрещаю», — распорядился Кафнутдинов.

Пока Гудзь передавал флажками команду, подводная лодка снова стала носом к острову. С ее кормы матросы спустили на воду вторую «резинку» и начали садиться.

Пограничник опять дал короткую очередь — предупредительную. Тогда откинулся носовой люк, на палубу лодки высунулся ручной пулемет и резанул по пикету огневой строчкой. Гудзь успел упасть за камень. Растерянно оглянувшись на Кафнутдинова, возмутился:

— Да что же это такое?

— Это враг! — зло отозвался Кафнутдинов.

Летчик заметался по помещению:

— Мерзавцы! Вот мерзавцы... Товарищи сержанты, слушай мою команду! Дайте мне оружие. Дайте оружие — слышите?

— Назад! — скомандовал ему Кафнутдинов и закрыл дверь. Оставив летчика взаперти, он поспешил на помощь товарищу.

Дважды пытались подводники под прикрытием пулемета высадиться на остров, и оба раза пограничники не дали шлюпке отойти от борта лодки.

— Эх, радист! Весь год говорил, много раз говорил, а когда надо — замолчал! Зачем рацию не берег? — желчно упрекнул Гудзя Кафнутдинов.

Подводная лодка вдруг двинулась вдоль берега. Сержанты переглянулись, ища друг у друга объяснения этому маневру. Гудзь первым нашел его, пронзительно закричал и ринулся из-за камня

куда-то вправо к берегу. С лодки по радисту хлестнула очередь. Гудзь упал и, пригибаясь, побежал зигзагом от камня к камню.

Кафнутдинов посмотрел в том направлении, куда устремился товарищ, и яростно выругался по-татарски: прячась меж камней, пробирался к берегу спасенный пограничниками «летчик». Он опередил Гудзя, стало ясно, что радист уже никак не может перехватить врага на берегу. Понял это и сам Гудзь, но сгоряча сделал ошибку: когда «летчик» прыгнул в море, пограничник тоже бросился с берега и саженками поплыл наперерез врагу.

— Глупый, потеряет башка! Следом надо, следом! — невольно воскликнул Кафнутдинов, стремительно выдвигаясь к тому месту, откуда бросился в воду враг.

«Беглец» неудачно избрал это место: тут из воды торчали камни, и лодка не решалась подойти совсем близко к берегу. «Летчику» предстояло проплыть несколько десятков метров, а плыл он медленно. Зоркие глаза Кафнутдинова мгновенно нашли причину этой медлительности: одна рука врага была занята синим баллоном!

Гудзь непременно перехватил бы «летчика», но он подплывал к нему со стороны, и этим не преминули воспользоваться пираты — они открыли по пограничнику огонь без риска попасть в своего.

Завязалась беспощадная дуэль: с лодки били по Кафнутдинову и плывущему Гудзю, а Кафнутдинов строчил по «летчику» и прикрывал своим огнем товарища. Длилось это секунды — Гудзь вдруг вырвался из волны чуть не по пояс. Кафнутдинов заметил, что лицо товарища залила кровь. Теряя силы, связист поплыл к берегу. Его

голова то исчезала, то вновь появлялась в волнах. Не раздумывая, Кафнутдинов мгновенно скинул сапоги, обмундирование и бросился в море.

Своей привязанностью к баллону «летчик» выдал его ценность. Баллон не должен достаться врагу! Чемпион округа по плаванию, сержант Кафнутдинов стремительно настигал «беглеца». Близ пограничника юркнули в воду несколько пуль, но потом стрелять прекратили: Кафнутдинов точно следовал за врагом и подводные пираты могли угодить в своего, тем более, что лодку покачивало на волне. Тогда с лодки тоже бросился пловец и поплыл навстречу «летчику».

Пограничник настиг врага. Ударив «летчика» кулаком по голове, Кафнутдинов вместе с ним ушел под воду. Недостаток воздуха выгнал их на поверхность. Враг старался вырваться, сержант — удержать его. Вода забурилась от их схватки. Совсем рядом Кафнутдинов увидел перекошенное злобой лицо противника и, схватив врага за тельняшку, замахнулся ножом. Однако «летчик» опередил пограничника и, упершись рукой в его подбородок ударил сержанта баллоном в лицо. Баллон отлетел в сторону. Но Кафнутдинов из последних сил стиснул руками горло врага. Сцепившись, они снова погрузились...

В момент схватки посланец с лодки во-время подхватил синий баллон и, нимало не беспокоясь о «летчике», торопливо поплыл обратно.

8. В ТУМАНЕ

Сквозь открытую дверь в комнату донесся рокот мотоцикла и хлопанье автомобильной дверцы. Старший лейтенант Сазонов встал, быстро застегнул воротник белого кителя, пригладил при-

ческу. В «дежурку» вошел подполковник Кузнецов.

— Есть ли что новое?

— Есть, товарищ подполковник. Только что звонили от летчиков: капитан Петров нашелся,— протянул Сазонов начальнику исписанный листок.

— Наконец-то,— обрадовался Кузнецов.

В коридоре подполковника уже поджидал шифровальщик.

— Разгрыз-таки орешек? — догадался Кузнецов по выражению лица подчиненного и отпер дверь своего кабинета.— Молодец. Ну, давай сюда, интересно — что там...

Расшифрованная радиограмма имела всего несколько слов: «Встречайте завтра 14—15 МГ. Эллен».

— М-да, не больно понятно, а? — включая настольный вентилятор, заметил Кузнецов.

Шифровальщик ушел. Кузнецов перечитал текст еще раз и глубоко задумался. «Что же это такое? Радировала Ковальская вчера, значит, «завтра» — это сегодня. Кто же, кого и где должен был сегодня встречать? Имеет ли это отношение к преступлению на горной тропе? А что значит «14—15 МГ»?..»

Подполковник нажал кнопку звонка. На зов немедленно явился дежурный офицер, сменивший Сазонова.

— Из шифровального отдела ничего не поступало? — спросил Кузнецов.

— Никак нет, товарищ подполковник.

— Свяжитесь с ними и узнайте, как там обстоит дело с расшифровкой радиограммы. Скажите, что я очень жду результата.

— Слушаюсь...

Кузнецов склонился над расшифрованной ра-

диодепешей. Размышляя, переписывал непонятный текст столбиком на листке бумаги. Листок был уже наполовину исписан, когда дежурный офицер доложил начальнику о поступлении ответа из шифровального отдела.

— Ну-ка, ну-ка,— заторопился подполковник, протягивая руку за бумажкой. На ней, слово в слово, повторялся текст, уже известный Кузнецову.

— Молодец,— еще раз заглазно похвалил он своего шифровальщика.— В точности дешифровки теперь сомнений не остается.

Едва Кузнецов сосредоточился над листком бумаги с рядами строчек, как в кабинете снова появился дежурный офицер. Подполковник сердито насупился:

— У вас что-нибудь срочное?

— Так точно. Тут рыбак пришел, вас требует.

— Просите...

Принеся с собой запах рыбы и моря, вошел рослый, загорелый мужчина лет сорока.

— Капитан сейнера «РС-51» Гудилов,— представился он.— Вы извините, товарищ подполковник, что я в таком виде, прямо с сейнера... Дело у меня срочное. Вот такая история. Возвращались мы сегодня домой с глубокого лова и на траверзе Фиолетового случайно подхватили радиограмму. Летчик какой-то передавал. Ну, на ихние разговоры мы частенько в том районе натыкаемся — привыкли. Да только на этот раз что-то сомнительно стало: ключом передано. Обычно-то они открытым текстом связь держат, иной раз даже очень откровенные слова говорят. А тут — ключом. С чего бы это?.. Ну вот и решили вам сообщить.

— А радиограмму не записали?

— Как же, записали. Радист у меня расторопный. Вот, пожалуйста,— рыбак извлек из нагрудного кармана сложенную вдвое бумажку.

— Так... А почему вы говорите, что это летчик передавал?

— На нашу думку, так выходит. Рация у нас на сейнере нельзя сказать, чтобы очень сильная стоит. И когда берег далеко, а самолеты над сейнером — их ярче слышать. Ну и эту морзянку вот также явственно расслышали. А судов в море никаких не было поблизости.

— Хорошо, товарищ Гудилов, спасибо за сообщение. Еще вопрос: в котором часу вы подхватили эту морзянку, не помните?

— Это было... Это было как раз после обеда — часов в пятнадцать с минутами.

...Доставленная капитаном сейнера радиограмма представляла собой такую же цифровую тарбарщину, как и вчерашняя. Без долгого раздумья Кузнецов вызвал шифровальщика и сказал ему:

— Вы, конечно, сохранили найденный ключ. Попробуйте, не отомкнет ли он и эту шифровку?..

Подойдя к открытому окну, подполковник остановился перед ним, расстегнул китель, засунул руки в карманы брюк и стал разглядывать все тот же пейзаж — зеленые склоны гор, шеренги кипарисов, белые здания санаториев.

«Кто же, кого и где должен был встречать?» — пытался найти ответ на мучивший его вопрос Кузнецов. Не прерывая своих мыслей, он позвонил по внутреннему телефону:

— Дежурный? От Егорьева ничего нет?.. Если что будет, сразу же доложите.

Подполковник опустил трубку на рычаг аппарата, быстро застегнул китель и направился к шифровальщику.

Окинув взглядом небольшую комнату, Кузнецов повел носом:

— Эка накурили. У вас что, окно не открывается?

— Сам не открываю. Привычка у меня дурная, товарищ подполковник: когда работаю, вслух читать документ. Особенно при дешифровании.

— А-а... Ну, что — получается?

— Да, шифр тот же. Вот, посмотрите...

Подполковник подсел к столу шифровальщика и проследил за его пером, выводившим общий результат дешифровки: «Квадрат — эпсилон-девять, подквадрат — шесть».

Кузнецов разочарованно причмокнул языком и взялся за телефон:

— Дежурный? От Егорьева никаких известий?.. — и с досадой бросил трубку на рычаг.

— Плохая радиограмма, товарищ подполковник? — с тревогой спросил шифровальщик.

Кузнецов сморщился, по привычке потянулся рукой к лысине:

— Кто ее знает... Видишь ли, откровенно сказать, надеялся я на нее, а она ничего не дала. Ясно, что указаны какие-то координаты. Но какие?.. Там загадка, тут загадка...

— Что же это за координаты? — прикусил ноготь шифровальщик. — Товарищ подполковник, а может быть, это ответ на вчерашнюю радиограмму?

— Может быть, может быть. Подумай, шевельни мозгами. Судя по тому, что обе радиограммы имеют один и тот же шифр, мы можем предполагать общность адресатов. Допустим, Ковальская кому-то назначила день встречи, а этот кто-то ответил ей указанием места встречи. Но остаются в тумане сами координаты, литеры

14—15 и МГ. 14—15 может означать и время встречи, и ее продолжительность, и вес загадочного МГ, и количество людей, и черт-те что. Я склонен думать, что все-таки время. Но надо же увериться. Нужно рассеять весь этот туман. Прямо позарез. А тут еще...

Кляцнув роликом замка, дверь приоткрылась, и в комнату просунулась голова дежурного офицера.

— Товарищ подполковник, вас срочно требуют к телефону «ВЧ».

Кузнецов легко поднялся и заспешил к себе в кабинет...

— Да... Кто?.. А-а, слушаю, дорогой!.. Что, что такое?! Конечно. Сейчас же выезжаю!

Брови подполковника стянулись к переносице, взгляд утратил мягкость.

— Сазонова и машину,— бросил Кузнецов дежурному, проходя мимо.

Проводив машину, дежурный с удовольствием поглядел на молчавшие телефоны, закурил и принялся писать. Но тут же отвлекся, поднял голову. За окном послышался приближающийся рокот мотора, треск гравия под резиной колес. Потом звуки оборвались, хлопнула автомобильная дверца, и голос старшего лейтенанта Егорьева кому-то предложил:

«Выходите. Приехали...»

9. ПОСМЕРТНОЕ СЛОВО ПОГРАНИЧНИКА

Летающая лодка, быстро набрав высоту, взяла курс на остров Одинокый. На борту гидросамолета, кроме летчика, находились подполковник Кузнецов, старший лейтенант Сазонов, начальник

заставы «Приморская» капитан Ольхов и три пограничника.

Над морем скорость полета не ощущалась. Гидросамолет, казалось, висел в воздухе.

Вечерело. Солнце косо освещало водяную ширь, играющую мягкими световыми бликами. Порой море вовсе исчезало за голубовато-серым тюлем дымки, чтобы вскоре вновь засверкать переливами волн. Однако морским пейзажем с высоты любовались только солдаты. Офицеры, тесно сблизив головы, обсуждали тревожные и пока еще загадочные происшествия дня. Капитан Ольхов объяснил причины экстренного вылета.

Обеспокоенный молчанием пикета на Одинок, Ольхов уже собрался послать на остров свой катер. Но тут на заставу один за другим подошли два сообщения.

Первое было от авиаторов. В нем говорилось о странном вторичном исчезновении летчика капитана Петрова: ни на одном рыболовецком сейнере его не оказалось. Второе сообщение касалось начальника заставы непосредственно. Это был звонок летчика флотского самолета связи.

В момент учебной боевой тревоги с одного из военных кораблей понадобилось отправить донесение в штаб. Пакет был послан с корабельным самолетом — обыкновенным «тихоходом». Пролетая на небольшой высоте, пилот издали заметил струю дыма, поднимающуюся над морем, и взял курс на этот ориентир.

На островке что-то горело: каменный «пяточок» курился дымом, постепенно меняющим цвет. Вместе с тем никакого движения на островке не наблюдалось. Это показалось летчику странным.

Совершив посадку на аэродроме, он тотчас же позвонил пограничникам.

Дым может быть сигналом. Неизвестный сигнал в районе учений флота, да еще на острове, с которым прервалась связь,— происшествие чрезвычайное, требующее немедленного выяснения и расследования. А тут еще и у летчиков это странное исчезновение человека.

...Летающая лодка быстро достигла Одинокого. Прежде чем посадить машину, летчик облетел островок. Дыма над ним уже не было, хотя времени с момента его обнаружения прошло совсем мало — каких-нибудь сорок минут. На острове все было спокойно — даже шлюпка безмятежно болталась на волне у берега.

Взметая по бокам веера брызг, самолет прочертил воду и подрулил поближе к берегу. Сначала на Одинокий высадились Ольхов, Кузнецов и пограничники, следующим рейсом самолетная «надувашка» доставила Сазонова и летчика.

Первым, что бросилось в глаза на острове, была полусгоревшая куча плавника, водорослей и «морской капусты» на отлогом берегу. Над нею еще вилась едва заметная струйка сизого дыма. Рядом на серой кремнистой гальке лежал человек в мокром обмундировании и валялся пустой бидон из-под оружейного масла. Половину лица лежавшего залила кровь, в левой руке была стиснута зажигалка.

— Гудзь! — узнали пограничники своего товарища.

— Разрешите...—отстранил Сазонова летчик и опустился на колени рядом с телом сержанта. Оттянув ему веки, посмотрел в глаза, затем приложил ухо к груди.— Он жив. Аптечку,— приказал летчик одному из солдат и пояснил Кузнецову: — Я прежде фельдшером был.

— Постарайтесь помочь ему,— сказал Кузне-

цов и обернулся к Ольхову и Сазонову.— А вы, товарищи, осмотрите остров. Радист пусть наладит связь. Я буду там,—кивнул подполковник в сторону маячной башни.

Осмотр не дал бы ничего, если бы сержант Кафнутдинов не считал для себя нерушимым законом всякий пункт уставов службы и распоряжений командира.

В будке Кузнецов обнаружил прошитый и пронумерованный журнал в плотном переплете. На каждой странице слева была графа времени наблюдения, посредине шли записи наблюдателя и дополнительные замечания.

На последнем заполненном листе журнала Кузнецов прочел: «Военные корабли скрылись на западе за горизонтом... В трех милях южнее острова рыболовецкий сейнер вошел в район учений флота, но тут же повернул и ушел из Малых глубин. Наверно, вспомнил, что сегодня сюда нельзя...»

Кузнецов зажмурился, легонько шлепнул пальцами себя по лбу: «Вот что означает «МГ»! Это — Малые глубины!..»

Кузнецов продолжал читать записи:

«...Два раза тихо-тихо шумел реактивный самолет. Может быть, слышалось.— Гудзь не слышал... У острова замечен в волнах человек... Сержант Гудзь вытащил его и доставил в лодке на остров... Документов у спасенного нет. Есть ботинки, трусы, морская тельняшка шелковая и спасательный жилет, такой, как у летчиков. Так здоровый, только слабый. Говорит свое имя: Петров, капитан, летчик... Петрова немножко тошнило, потом он пил чай и кушал консервы. Сержант Гудзь забыл сразу сказать — у Петрова имелся еще железный баллон, синий с голубой

стрелкой... И говорит, что у рации кончилось питание... У острова всплыла подводная лодка. Спрашивают Петрова. На парольный запрос не отвечают, командир ругается...»

Дальше косо шла и обрывалась крупная торопливая строчка: «Они выса...»

Кузнецов захлопнул журнал и сбежал по лестнице в помещение. Самым тщательным образом обыскав его, он выглянул из дверей:

— Сазонов!.. Что найдено?

— Стреляные гильзы нашли, товарищ подполковник, сухое обмундирование...

— А баллон? Баллона не находили?

— Никак нет.

— Переройте весь остров. Ищите небольшой синий баллон с голубой стрелкой!

Кузнецов быстро заскользил по гальке к летчику. Гудзь, уже перевязанный, полулежал на устроенной прямо на берегу постели. У ног его, сдержанно, будто успокаивая, рокотала волна. Летчик слушал пульс раненого.

— Без сознания. Большая потеря крови,— ответил он на немой вопрос подполковника.

— Плохо. Он бы нам сейчас мог помочь...— Кузнецов посмотрел на часы:— Возможно, еще успеем. Радист, идите сюда! Рация работает?.. Передайте: «Начальнику морпогранотряда, копия — штаб флота адмиралу Кулагину. У острова Одинокого недавно находилась вражеская подводная лодка, которая в данную минуту, вероятно, стремится выйти в нейтральные воды. Подполковник Кузнецов».

Сазонов, Ольхов и двое солдат шаг за шагом исследовали каждую пядь острова.

Кузнецов сел на большой камень и, уперев локти в колени, стиснул руками голову. Сейчас

ему было понятно почти все. Но это «почти» не устраивало Кузнецова. Он должен знать все, точно и ясно. Кузнецов осмысливал каждый эпизод последних суток, искал между этими эпизодами общую взаимосвязь. Для полной ясности ему не хватало лишь небольшой, но весьма важной детали... Он старался найти эту деталь.

Старался, но безуспешно. Мысль услужливо предлагала подполковнику несколько путей к разрешению необходимых вопросов, но каждый из них пересекал барьер «если бы».

— Если бы, если бы...— с досадой буркнул Кузнецов, поднимаясь с камня.— Если бы вот Гудзь был в сознании, то все разрешилось бы. Остается надеяться на успех группы Егорьева.

Направляясь к башне, подполковник крикнул Сазонову:

— Не нашли баллон?.. Скверно. Очень скверно... Летим обратно. Больше нам здесь делать нечего. Да и парня надо поскорее в госпиталь...— Кузнецов с минуту помедлил и приказал радисту: — Сообщите дополнительно адмиралу: «Имею веские подозрения, что на подводной лодке находится баллон с голубой стрелой».

Гудзя осторожно перенесли в надувную шлюпку и переправили в самолет.

Подполковник Кузнецов и Сазонов с берега наблюдали за тем, как лодка приближалась к гидросамолету. Вдруг за их спиной раздался удивленный возглас подошедшего капитана Ольхова:

— Что это? Смотрите! — взяв за локоть подполковника, указал он на камни, торчащие из воды у берега.

И тут же волна сильного прибоя, рокоча по дну галькой, вынесла на берег два опутанных водорослями трупа. Один из мертвых сжимал руками

горло другого — даже смерть не разжала этой хватки.

— Кафнутдинов, — хрипло произнес офицер-пограничник и первым медленно снял фуражку.

— Вы случайно не знаете в лицо капитана Петрова? — спросил Кузнецов приблизившегося к группе на берегу летчика и, получив утвердительный ответ, указал на труп неизвестного. — Это не он?

— Нет, не он.

— Теперь мне многое ясно, — негромко проговорил Кузнецов. — Пограничный пикет на Одинок, выловив из воды человека в спасательном жилете и будучи предупрежденным об аварии самолета, принял спасенного за летчика Петрова, кем и назвался человек с вражеской подводной лодки.

— Повидимому, этот лже-Петров и «помог» замолчать рации пикета, — предположил начальник заставы.

— Вполне возможно, — согласился Кузнецов. — Нам нужно торопиться.

Через несколько минут гидросамолет уже летел над морем в обратный путь. Солнце освещало его теперь с другой стороны. В пассажирской кабине царило молчание.

Смотревший в окно кабины Сазонов окликнул Кузнецова с Ольховым, и все трое прильнули к стеклам. Внизу, оставляя за собой длинные седые усы пены стремительно неслись на линию дозора торпедные катера. На значительном расстоянии от них шли сторожевые корабли типа «БО».

Офицеры долго провожали их взглядом, затем переглянулись. Глаза каждого выражали один и тот же вопрос, одну и ту же тревогу: «Успеют или не успеют?..»

10. БАГРОВЫЙ ЗАКАТ

Старший лейтенант Егорьев нехотя открыл глаза, потянулся всем своим большим, сильным телом и, резко поднявшись с дивана, улыбнулся:

— Извините, товарищ подполковник, вздремнул, вас дожидаясь.

— Чего же извиняться,—сказал, входя в свой кабинет Кузнецов.— Хорошо, если отдохнули немного.

Кузнецов сел в одно из двух мягких кресел, стоявших в углу кабинета у маленького круглого столика, предложил другое Егорьеву.

— Как на острове, товарищ подполковник? Так досадно, что не смог побывать там с вами.

— После. Прежде сами расскажите о своих делах.

— Да по вашей записке, как по нотам,—начал Егорьев.— Санатории обзвонил быстро. Оказалось, что в «Жемчужине» и «Солнечном» сегодня на завтрак подавались шпроты. «Так,—думаю,—первый ориентир есть». А опергруппу выслал сразу, она перекрыла шоссе и приступила к работе. Выезжаю сам, чтобы точнее нацелить людей на этапах и встать на шестьдесят девятом километре, где сходятся оба шоссе. Но не успел доехать, как на третьем этапе Творогов докладывает мне: «Товарищ старший лейтенант, задержал одну дамочку, из санатория «Солнечного». Я даже удивился: «Откуда ты,—спрашиваю,—знаешь, что именно «Солнечный» у нас на примете?» Он плечами пожимает: «Ничего я не знаю. Просто вошел в автобус, проверяю документы, гляжу — дамочка. По курортной книжке выходит, что уже три недели отдыхает, а по личности вроде как только приехала. Ну, носы да щеки пудрят мно-

гие. Я, извиняюсь, за ворот её тайком заглянул: нет, как есть, едва солнышком прихвачена. А курортники через десять дней уже, как арапы, черные, затем и едут. В книжку посмотрел: сердце здоровое, все прочее тоже — должна загорать. Ну и ссадил ее под предлогом, что, мол, без паспорта нельзя далеко отъезжать». Рассказал мне это и ведет в будку КПП. Зашел я, смотрю — она самая, наша кошечка. Посадил ее в машину и привез сюда.

— Не допрашивали ее? Нет? — быстро спросил Кузнецов. — Тогда ведите — поговорим. Как она держится?

— С величайшим спокойствием.

— Плохой симптом. Наверное, придется повозиться. А нам некогда. Такие особы либо долго, нудно и глупо выпутываются, либо, утратив всякую надежду, начинают разыгрывать из себя этаких героинь, — повертел рукой у виска Кузнецов. — Надо сразу дать понять арестованной, что выкручиваться ей незачем и в то же время, что она никакого особого интереса для нас не представляет. Идите.

Егорьев вышел. Подполковник закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. День был слишком щедрым на происшествия — Кузнецов устал от напряженных раздумий.

Чуть слышный шорох по полу обитой войлоком и клеенкой двери вывел подполковника из забытья. В кабинет вошла молодая стройная блондинка и в нерешительности замедлила шаги перед пустующим креслом за столом.

Быстро оглядев ее с ног до головы, Кузнецов остановил взгляд на красивом, холеном лице женщины и подумал: «Знает себе цену, привыкла

к ухаживаниям. Надо начинать резко, даже грубовато, сразу выбить из седла».

— Здравствуйте, мисс Эллен. Садитесь,— громко сказал Кузнецов.

Ковальская обернулась и, только тут заметив подполковника, удивленно вскинула брови:

— Мисс Эллен? Я никакая не мисс...

— Ну, мадемуазель Эллен, фрейлин, госпожа — какая разница. Главное, что Эллен. Кстати, это ваше настоящее имя или только шпионская кличка?

Ковальская вспыхнула и гордо тряхнула головой:

— Товарищ подполковник, я попрошу...

— Вам я не товарищ,— перебил ее Кузнецов.— Ваши товарищи — это те, что помогали вам организовывать диверсии, убивать людей, воровать государственные секреты.

Глаза Ковальской широко раскрылись.

— Все это приписывается мне?! Поверьте, это — вымысел или ошибка ваших подчиненных. Я...

— Перестаньте, Ковальская,— поморщился подполковник.

Кузнецов не зажигал света, не направлял его на арестованную, не барабанил пальцами по столу, в общем не делал ничего того, чем занимаются обычно следователи в плохих спектаклях. Он сидел в кресле и говорил с Ковальской медленно, не скрывая усталости, и как бы нехотя.

— Ну, если вы так уверены в сказанном, то я могу вообще замолчать! — вызывающе бросила Ковальская.

— А вы думаете нам интересен или доставляет особое удовольствие разговор с вами?.. Собственно, нам рассказали о вас все, что нужно. Вы —

резидент известной вам и нам разведки. Последним вашим делом была охота за секретом нового советского военного самолета. Потеряв всякую надежду агентурно разработать это задание, ваши хозяева решили овладеть секретом путем открытой диверсии. Вы узнали о времени испытания «Голубой стрелы», радировали об этом с мыса Хорас своим зарубежным друзьям, те выслали в район Малых глубин самолет, чтобы тот сбил «Голубую стрелу». Другие ваши коллеги — подводники должны были обследовать упавший в море самолет, а вы тем временем намеревались удрать. Ну, а как это все вышло и что вы делали сегодня, это мы и сами знаем, госпожа атаманша.

Лицо Ковальской исказилось гримасой.

— Атаманша?.. — арестованная села на стул, ударила о спинку кулачками и, уткнувшись в них лбом, затряслась в плаче. Егорьев потянулся было к графину с водой, но подполковник жестом остановил его.

Минута прошла в молчании. Не видя к себе внимания, Ковальская приподняла лицо и зарыдала уже по-настоящему.

— От кого вы узнали? От них? Подлецы!.. Они затащили меня в эту авантюру, запугали, заставили, а теперь... Подлые трусы!

Злые заплаканные глаза устремились на Кузнецова:

— Я все расскажу, всю правду!

— Правду? Хорошо. Как попала к вам эта курортная книжка?

— Случайно. Я заметила за собой слезку и, бросив машину, отправилась по горной тропе. Подойдя к ущелью, услышала женский крик и увидела, как с обрыва мелькнуло вниз тело. Я люблю спорт, увлекалась альпинизмом и реши-

лась спуститься в ущелье. Девушка была уже мертва. Тогда мне пришла мысль обменяться с ней документами, что я и сделала. Конечно, это гадко, но в моем положении я не могла не воспользоваться такой возможностью.

— Вот уже и наврали, мадемуазель. Вы специально подкарауливали на тропе именно блондинку, сзади ударили ее камнем в висок, чтобы она не закричала, а затем расчетливо обезобразили жертве лицо. Ну ладно, еще вопрос: кто из имеющих доступ к новому самолету состоит с вами в связи или знакомстве?

— Никто. У меня есть знакомые офицеры моряки, но летчиков...

— Опять ложь,— отметил подполковник, спокойно поднимаясь с кресла.— А кто явился к вам на свидание у бульвара? С кем вы уехали якобы на прогулку?

Кузнецов подошел к окну и, опершись плечом о стену, стал любоваться закатом. Глядя подполковнику в спину, женщина нервно крутила пуговку на блузке.

— Вы, действительно, все знаете. Это был инженер-лейтенант Дудник. Я сейчас все расскажу. Не хочу выгораживать ни себя, ни их. Гражданин подполковник, я...

— Что? — оглянулся Кузнецов.— Извините, я прослушал.

— Я говорю, что решила рассказать действительно все.

— И снова станете лгать? — скептически усмехнулся подполковник.— Посмотрим. Товарищ Егорьев, дайте чистую карту... Нет, не эту — крупномасштабную... Вот, вот... Укажите, Ковальская, точку: квадрат — эpsilon-девять, подквадрат — шесть.

Арестованная приблизилась к столу с картой. Кузнецов с трудом сдерживал внутреннее напряжение: «Знает или не знает, укажет или не укажет?» Ковальская блестящим розовым ногтем ткнула в карту:

— Вот.

Егорьев отметил указанную точку карандашом.

Кузнецов тяжело вздохнул:

— Что-то я устал сегодня. Товарищ Егорьев, пойдите, выслушайте и запротоколируйте, что там хочет рассказать арестованная.

Ковальская и старший лейтенант вышли из кабинета. Усталость и медлительность Кузнецова как рукой сняло. Он быстро подошел к столу и застучал по рычагу внутреннего телефона:

— Гараж!

Вызвав машину, подполковник положил одну трубку и тут же поднял другую. Звонила жена.

— Что тебе, Дина?

— Да нет, ничего... Просто я хотела напомнить, что у тебя есть дом, семья.

— У меня не было времени...— начал подполковник.

— ...позвонить и сказать всего пять слов: «Я задерживаюсь, обедайте без меня», — мягко, чуть грустно, закончила жена.

— Действительно... Прости.

— Что ж с тобой делать!.. Постарайся хоть к ужину не опоздать.

...Клубя за собой пыль, автомобиль пересек территорию аэродрома и круто затормозил рядом с серым «Зимом» у приземистого камуфлированного здания сборочных мастерских. Из подъехав-

шего автомобиля вышли Кузнецов и офицер-пограничник — капитан первого ранга.

— Видите?.. — указал ему Кузнецов на серый «Зим». — Кулагин здесь. Пошли.

Встретив вошедших, молодой лейтенант, с повязкой дежурного по части на рукаве, проверил их документы и отдал честь:

— Извините, товарищ капитан первого ранга, но вас, как не имеющего специального разрешения, я пропустить не могу.

— Ну, ничего, вы подождите, — попросил своего спутника Кузнецов. — Я быстро разыщу адмирала и доложу.

— Добро, идите, — согласился капитан первого ранга.

Посередине просторного помещения стояла уже законченная сборкой «Голубая стрела-2» — родная сестра первой. Около нее копошились люди в комбинезонах. Зал был наполнен деловым шумом, звуками голосов, жужжанием дрелей. Пахло электроизоляцией, авиалаком, резиной. Из-за корпуса самолета слышался баритон Кулагина. Кузнецов направился туда.

Адмирал Кулагин стоял, по-флотски широко расставив ноги, и разговаривал с конструктором и летчиком-испытателем капитаном Сергеевым. Конструктор что-то объяснял, адмирал внимательно слушал его, переспрашивал, кивал головой и тут же обращался к летчику, который плавно водил руками в воздухе, растолковывая моряку пилотаж. Видно было, что Кулагин решил основательно познакомиться с новым самолетом.

Кузнецов подошел, отдал честь. Адмирал жестом прервал объяснения и повернулся к подполковнику.

— Весьма кстати. Нашли Петрова?

— Еще нет, товарищ адмирал. Нашли место, где упала в море машина...

— Машина, машина!.. Машину нам государство даст еще не одну. А кто вернет флоту летчика, семье — отца, партии — коммуниста? Плохо работаете, подполковник.

Зная, каким чувством продиктованы эти слова, Кузнецов не обиделся на них и поглядел прямо в глаза Кулагину. Поняв этот взгляд, адмирал остыл.

— Что случилось?

— Приехали с начальником морпогранотряда доложить и посоветоваться по одному вопросу, касающемуся Петрова, товарищ адмирал. Капитан первого ранга остался у входа — его не пропустили сюда.

— Пойдемте,— сказал Кулагин.

Адмирал, подполковник и капитан первого ранга остановились на бетонной дорожке близ сборочного цеха. Выслушав Кузнецова, Кулагин задумался.

— Вы уверены в этом, подполковник?

— Доказательств нет, но больше Петрову негде быть.

— Н-да, положение!..— вздохнул адмирал.— На войне ради победы, ради спасения сотен и тысяч других жизней приходилось посылать подчиненных на смерть... Тяжело это было. А в мирное время погубить своего человека — вдесятеро тяжелее решиться. А решиться нужно во имя государственных интересов, во имя безопасности советских людей. Переложить тяжесть этого решения не на кого... Вы что, товарищ капитан? — громко окликнул Кулагин летчика Сергеева, вышедшего из сборочного помещения и беспокойно поглядывавшего в их сторону.

Капитан быстро подошел к адмиралу. Лицо летчика было серьезным и озабоченным. Он почти умоляюще посмотрел на Кулагина.

— Извините, товарищ адмирал. Чувствую, что подполковник о Петрове какую-то весть привез. А мы ведь... Скажите, что с Дмитрием?

— Понимаю, товарищ Сергеев... Вольно, вольно, — разрешил офицеру адмирал. — Вы хорошо знаете Петрова?

— Мы вместе воевали, товарищ адмирал.

— Ясно... — Кулагин подумал и спросил: — А скажите, как, по-вашему, вел бы себя Петров, если бы ему случилось попасть в плен?

— Он боролся бы, сколько хватило сил.

— Ну, а если бы это было безнадежным?

— Не знаю, товарищ адмирал. Во всяком случае живым Петров ни за что не сдался бы врагу — в этом я абсолютно уверен.

На лице летчика вдруг дрогнули мускулы.

— Товарищ адмирал! Неужели?..

Кулагин молча посмотрел на него и опустил голову.

— Распространяться об этом, мне думается, незачем. Ну, что ж, товарищи, как это ни тяжело, отменять приказ мы не имеем права.

Подполковник Кузнецов и капитан первого ранга невольно посмотрели на охваченного тревогой летчика.

Через поле к офицерам спешил радист. Молодое веснушчатое лицо его было возбужденным, ленточки бескозырки трепыхались на плече. Подбежав, он вытянулся перед адмиралом и с особым удовольствием отчеканил:

— Разрешите обратиться, товарищ адмирал? Вам личная радиограмма: в квадрате 62—47

пограничники накрыли пиратскую подводную лодку!..

Капитан Сергеев побледнел и медленно отошел в сторону. Его взгляд тоскливо устремился вдаль — туда, где простиралось невидимое отсюда море.

— Прощай, Митя,— прошептал летчик.

И словно в ответ ему прошелестел тихий вздох ветра. Над горизонтом багровело небо в отблесках зашедшего солнца.

11. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Перехватив пиратскую подводную лодку, сторожевые корабли бомбили ее, не выпуская из советских вод. Дважды пыталась она проскочить в нейтральные воды и дважды терпела неудачу. Зато оба раза ее командир ухитрился вывести свой корабль из-под удара. Пират Османов был, видимо, опытным моряком.

Когда наступила ночь, враг снова рванулся к рубежу и опять был перехвачен пограничниками. Подводная лодка металась из стороны в сторону, уходила на глубину, маневрировала, как только умела, но оторваться от преследования не могла. Пограничный корабль кружился по морю над лодкой и бомбил, вспенивая водную гладь.

Положение пиратов стало критическим. Лодку швыряло взрывами, корпус дал течь, надстройка была повреждена, многие механизмы вышли из строя. Османов едва удерживал команду в повиновении. Наступал момент, когда боязнь за шкуру диктовала — всплыть и сдаться.

Османов бросил в игру свой последний козырь: выпустил за борт шумоложные аппараты. Они на какое-то время отвлекли, сбили с толку гидро-

акустика на сторожевом корабле. Лодка моментально вильнула, и контакт с нею был потерян.

Над морем нависла ночь. В ее иссиня-черном мраке пограничные корабли с потушенными ходовыми огнями разыскивали и подкарауливали исчезнувшую лодку врага.

Шли часы, сменялись вахты, и вот уже зарозовел горизонт — начался новый день. Но ни на одном корабле так и не раздалась боевая тревога...

...В девять часов утра к дверям кабинета подполковника Кузнецова торопливым, неровным шагом подошел франтоватый молодой офицер с академическим ромбиком «ВВА» на морском кителе. Перед дверью он остановился, одернул китель и весьма деликатно постучал. Ответа не последовало. Заметив, что дверь неплотно закрыта, офицер чуть приоткрыл ее и заглянул в комнату, потом смелее просунул голову и лишь тогда увидел слева у окна невысокого бритоголового мужчину в холщовых штанах, сандалетах и украинской рубашке. Мужчина поливал из графина цветы на окне и мельком через плечо оглянулся на посетителя.

— Здравствуйте. Мне подполковника Кузнецова,— робко произнес офицер.— Он, видимо, еще не пришел?

— Здравствуйте. Нет, пришел. Подождите,— кивнул на стул мужчина.

Офицер сел. Мужчина закончил поливку, поставил графин, вытер платком руки и повернулся к посетителю.

— Инженер-лейтенант Дудник, если не ошибаюсь? Вы знаете, зачем я вас вызвал?

— Так точно. Никак нет, товарищ подполковник,— вскочил офицер.

— Сидите. Хотите сказать, что вы действительно Дудник и не знаете, зачем вызваны, так я вас понял? — без улыбки уточнил Кузнецов.

Офицер смутился и подтвердил, что это именно так.

— Вы должны помочь нам кое в чем разобраться.— неторопливо продолжал подполковник.— Прошу вас быть откровенным. С кем вы вне службы водите компанию?

Дудник несколько удивился и пожал плечами.

— Да особенно, собственно, ни с кем.

— А не особенно?

— С Макаровым, пожалуй, дружу, товарищ подполковник, немного — с Горчеевым... Ну, еще с Киселевым иногда в шахматы играем...

— А из женщин?

Дудник беспокойно вскинул глаза на Кузнецова и неуверенно назвал три — четыре фамилии.

— Скажите, а где вы были позавчера вечером?

Офицер посмотрел куда-то в угол комнаты.

— Позавчера?.. Вечером?.. — он наморщил лоб.— Жене захотелось в кино, я пошел за билетами, нигде не мог купить и часика два просто погулял по городу.

— С кем?

— Ни с кем.

— И никого не встретили из знакомых?

— Н-нет, товарищ подполковник.

Светлые, окруженные морщинками глаза Кузнецова насмешливо прищурились:

— Вы правду говорите, Дудник?.. А вот из этих женщин вам ни с одной не приходилось быть знакомым?

Кузнецов достал из папки несколько фотогра-

фий и протянул их офицеру. Дудник посмотрел на портреты и вернул их обратно.

— Брюнетка работала буфетчицей в столовой нашей части. А других не знаю,—ответил он, стараясь не глядеть в лицо собеседнику.

Подполковник нахмурился и жестко спросил:

— Значит, не знаете?

Он нажал кнопку звонка, и в кабинете появилась Ковальская.

— Он?— указал на офицера Кузнецов.

— Он,— кивнула она в ответ.

По знаку подполковника Ковальская вышла.

Дудник взволнованно заерзал на стуле и, не дожидаясь вопроса, торопливо заговорил:

— Товарищ подполковник, не губите! Признаюсь: виноват. Но нельзя же так!.. Ну, обещал, обманул... Так что же она сама — маленькая, что ли! Надо же понимать, ей-богу!.. Честное слово, товарищ подполковник, я и не собирался от жены уходить! А это же так только, ну, понимаете... Очень прошу вас — не надо! Ну ее к черту! А то жена узнает, и ей обида и мне неприятности...

Взъерошенные брови Кузнецова поползли вверх. По правде говоря, он боялся, что услышит другое признание, а не слезливую мольбу запутавшегося волокиты. Нет, кроме пошленькой любовной интриги, с Ковальской Дудника, повидимому, не связывало ничто. Однако он все же виновен в разглашении секретных данных, и это не останется безнаказанным.

Под насмешливым и осуждающим взглядом Кузнецова Дудник съежился и замолчал.

— Ладно,— согласился подполковник,— я обещаю, что вмешуюсь в вашу семейную жизнь только в том случае, если жена надает вам пощечин и потребует подтвердить ее правоту.

Сейчас же гораздо важнее выяснить вашу роль в значительно большем преступлении. Расскажите мне все о своем знакомстве и отношениях с Ковальской...

Неожиданный поворот в разговоре не принес успокоения Дуднику. Наоборот, он привел его в сильнейшее замешательство. По мере того как Кузнецов комментировал искренние ответы офицера на свои вопросы, Дудник все яснее видел себя соучастником страшного преступления. Видел, ужасался и бледнел. Широко раскрытыми застывшими глазами он смотрел на подполковника.

— Я верю, что вы по глупой беспечности, а не по злему умыслу обронули фразу, которую только и выживала из вас Ковальская,— сказал в заключение Кузнецов.— Но ваша болтовня очень дорого обошлась государству и людям. Придется понести за это суровое наказание. Мне вы больше не нужны. Можете идти.

...Дикая тропинка, змеящаяся по склону меж каменных осыпей, цепких кустарников и деревьев, незаметно привела Дудника на крутой мыс к морю. Инженер-лейтенант бессильно опустился на обломок скалы у самого обрыва.

Знойный воздух был напоен солнцем, стрекотанием кузнечиков и пением птиц. Из ближнего распадка тянуло смолистым запахом хвои. Внизу у подножия стовосьмидесятиметрового обрыва начиналась бесконечная синева моря. Над водой нависла скала, и, только посмотрев вправо или влево, можно было увидеть узкую полосу берега — серый пляж, заполненный курортниками. А дальше вздымались к облакам задумчивые, молчаливые вершины.

Но инженер-лейтенант не замечал красоты природы. Отчаянье подавило его. До сего дня он жил легко и радостно, спокойный за свое прошлое и уверенный в будущем. Ну, были у него свои маленькие грешки. Любил он пофлиртовать с красивыми женщинами. Но ведь это же все так, между прочим. А главным и единственным всегда оставались для него любимое инженерное дело, авиация, армия. Дудник жил этим, видел себя в будущем большим самолетостроителем, считал себя настоящим офицером. Считал и не замечал, как страсть к флирту превращала его в мелкого, тщеславного дон-жуана, толкала на необдуманные знакомства. И вот случайно брошенная им случайной женщине фраза о предстоящем испытании самолета привела к тяжелым последствиям.

Дудник вспомнил, как врал и выкручивался у Кузнецова, стыдясь своей связи с Ковальской, и ему стало душно. Но это что! Ведь он — причина аварии самолета, гибели летчика, пропажи военного секрета. «Что же делать?» — Дудник закрипел зубами, поднялся с камня и уставился вниз. «Один шаг вперед, только один — и...» Но тут же нервно шагнул от обрыва. «Нет! Каким бы тяжелым оно ни было, я должен пойти и понести наказание. Должен!»

И Дудник вдруг увидел горы, море, сверкающее в знойных лучах, и корабли, бороздящие его поверхность. Неожиданно для себя он закричал:

— Я еще вернусь! — и зашагал прочь от обрыва.

Если бы Дуднику рассказали, что он, переживая на вершине мыса Хорас свою житейскую драму, находился почти рядом с жертвой своей болтливости, он бы крайне изумился.

Однако это было именно так. Бурая громада Хораса круто обрывалась в море. И вот тут, у самого берега, в крошечном мраке пятидесятиметровой глубины, прильнув к холодной скале, лежала на дне вражеская подводная лодка.

С невероятным трудом вырвавшись из-под смертоносных ударов глубинных бомб, Османов не рискнул больше сунуться к границе. Испытывать судьбу при сложившейся обстановке — безумие! Пират отлично представлял себе, что сейчас делается на море. Он упустил момент, граница уже заперта на крепкий замок, и никакой изворотливостью тут не возьмешь. Его может спасти только выигрыш времени. И Османов пошел на отчаянный трюк: лодка метнулась к самому берегу и с нахальством и смелостью обреченного залегла буквально под носом у сотен советских людей.

Затаиться под скалой Хораса и не обнаруживать себя до поры, пока погранохрана не ослабит поиски, а затем внезапно рвануться за границу — таков был расчет Османова.

...Вскоре после того как Петров очнулся, он понял, что лодка вывернулась из-под удара. Летчик упал духом, у него мелькнула даже мысль о самоубийстве. Но он взял себя в руки и подумал: «Это не уйдет».

Придя в сознание, Петров обнаружил себя уже не в каюте Османова, а на рундуке в каком-то закутке одного из отсеков. Где-то поблизости жужжали электромоторы, попахивало горячей изоляцией и тем специфическим кисловатым запахом, какой стоит всюду, где работают электромашины.

Куда двигалась подводная лодка, что за время

суток сейчас, сколько прошло с момента его беспамятства,— этого летчик не мог определить. Тупой болью ныли голова и челюсть. «Здорово ударил, сволочь»,— поморщился Петров и спустил ноги с рундука, намереваясь встать и осмотреться.

Предостерегающий возглас остановил его. Рослый немолодой матрос, вытирая руки ветошью, стоял против закутка и воспаленными глазами смотрел на летчика.

Привлеченный этим возгласом, подошел другой мужчина, видимо, какой-то начальник. Приказав матросу продолжать заниматься своим делом, он повернул к Петрову бледное лицо с потухшими глазами и беззлобно сказал по-русски:

— Выходить вам отсюда не разрешено. Если что-нибудь нужно, скажите.

Петрова охватила ярость: летчик понял, что перед ним — русский, вернее, в прошлом русский человек. Метнув на предателя ненавидящий взгляд, летчик демонстративно отвернулся от него и молча сел на рундук. Не имевший двери металлический закуток был, вероятно, единственным местом в лодке, где не было ничего такого, что пленник мог бы сломать или испортить. «Теперь ясно, почему они меня именно сюда сунули. Все же бояться, гады»,— с некоторым удовольствием подумал офицер.

Вспышка ярости еще клокотала в нем. Летчик не испытывал такой жгучей ненависти к подлецам иностранного происхождения, какую вызвал у него русский предатель.

Не оборачиваясь, Петров чувствовал, что этот человек не отходит от его карцера. И, в самом деле, через минуту-другую до летчика донесся неуверенный вопрос:

— Так вам ничего не нужно?

Пленник резко повернулся и отрубил:

— Нужно, чтобы вы убрались отсюда — и чем быстрее, тем лучше.

Человек пристально посмотрел в глаза Петрову и медленно отошел. Было в этом взгляде что-то непонятное, затаенное.

Проходили часы. Подводная лодка продолжала куда-то двигаться.

Неизвестный подводник несколько раз приостанавливался у металлической конуры, поглядывал на узника и уходил. Наконец он встал в дверях и тихо сказал:

— Я понимаю, что вы не можете не презирать меня. И тем не менее хочу дать вам совет: если наш рейс завершится благополучно, не оставайтесь в живых. Потом будет тяжело, и станете горько жалеть, что не покончили с собой в критическую минуту.

Эта речь поразила Петрова своей искренностью. В первый момент он даже растерялся. «Конечно, это крючок, уловка. Но каким же надо быть актером, чтобы так произнести эти слова!..»

Летчик не успел ничего ответить — в отсеке прозвучал сигнал, и подводник быстро ушел на зов.

Электромоторы сбавили обороты, умолкли, снова завертелись и снова выключились. Лодку легонько ударило, она вздрогнула, чуть накренилась и успокоилась. «Легли на грунт», — догадался Петров.

В узкой с закругленными углами двери отсека появился Османов. Подойдя к своему пленнику, он усмехнулся:

— Я, кажется, не совсем деликатно обошелся с вами. Предлагаю забыть это, хотя вы сами ви-

новаты. Но я не извиняться пришел, у меня есть к вам деловой разговор...

— Мое обмундирование высохло? — перебил его Петров. — Где оно?

— Пожалуйста, — как бы снисходя к капризу, согласился Османов и отдал приказание одному из матросов. Тот вышел и принес обмундирование. Летчик молча протянул Османову свои связанные руки — пират развязал их.

Быстро переодевшись, Петров провел ладонью по небритой щеке и вдруг с неожиданной для своей худощавой фигуры с силой нанес Османову удар в челюсть. Лязгнув зубами, тот растянулся посередине отсека.

— Великолепный удар! — услышал Петров чей-то негромкий возглас.

Летчик оглянулся: у двери стоял подводник с русским лицом. Взгляд его выражал явное удовольствие.

Османов вскочил на ноги и шагнул к пленнику. Темные, маслянистые глаза пирата вспыхнули яростью. Но он сдержал себя и попытался миролюбиво усмехнуться:

— Подловили? Ну, черт с вами... Вы мне определенно начинаете нравиться!.. Но поговорим лучше о деле. Хотите — разойдемся по-хорошему, каждый своей дорогой?

Петров пренебрежительно махнул рукой:

— Не утруждайтесь...

— Вот как! Жаль, что сейчас еще не время поговорить с вами иначе, — процедил Османов сквозь сжатые зубы. — Но, уверяю, это время станет очень скоро, и тогда вы навсегда потеряете возможность вернуться к семье. Но пока я еще предлагаю: вы поможете мне уйти за гра-

ницу, я вам за это подарю свободу и оставлю на родине. Соглашайтесь. Ну?.. Ведь у вас, наверно, есть родители, жена, дети... Вы поняли меня?

Худощавое лицо Петрова выразило откровенное презрение.

— Понял. Вы, оказывается, редкая сволочь. Убирайтесь вон отсюда.

Османов сжал кулак перед лицом пленника.

— До границы мне приходится беречь на всякий случай вашу физиономию. Но после мы рассчитаемся. О, Османов ничего не забывает!.. Электрик!— позвал он мужчину с русским лицом,— свяжите его! — и быстро вышел из отсека.

Подобрав брошенную Османовым веревку, электрик подошел к летчику и стыдливо спросил:

— Матросов вызывать или сами дадитесь?

Петров пожал плечами, молча протянул руки.

Но моряк не спешил их связывать. Распутывая узел и, видимо, желая начать разговор, заметил:

— Крепко вы ему съездили, прямо любо-дорого...

— Вам это понравилось? — насмешливо спросил Петров.— Впрочем, все мерзавцы восторгаются, когда достается их хозяевам.

Электрик выглянул из закутка в отсек и зашептал летчику торопливо, горячо:

— Вы, конечно, вправе презирать, ненавидеть и оскорблять меня, иного я не заслуживаю.— Он горько усмехнулся.— Впрочем, разве можно меня оскорбить?.. Да, я — мерзавец, предатель. Но, поверьте, не каждый изменник живет с легким сердцем. Я опостылел себе тем, что не имею сил наложить на себя руки. Нет, нет! Я не собираюсь вам исповедываться,— предупредил моряк возражения пленника.— Я это сказал лишь для того,

чтобы объяснить, почему хочу помочь вам. Я буду счастлив уберечь русского человека от издевательств этих тварей... Мне удалось узнать сейчас, что мы находимся где-то близко от советского берега. Такой момент нельзя упустить. И я пришел сказать вам: бегите. Бегите, пока есть возможность!.. Что вы так смотрите? Ах да, конечно,—вы считаете меня провокатором. Доказать обратное мне действительно нечем, кроме как делом: я помогу вам бежать.

Петров погладил пальцами седеющие виски, внимательно посмотрел в лицо моряку:

— Но что тогда станет с вами? Османов вряд ли одобрит эти действия, а у него характер крутой, насколько я понял.

— Все равно. Я ненавижу его, презираю себя и буду рад любому концу. Мне терять нечего! Я все сделаю, верьте мне.

— Я почти верю,—серьезно и просто сказал Петров.

— Да? — обрадовался электрик. — Значит, согласны?

Петров отрицательно покачал головой.

— Нет. Благодарю, я не могу принять ваше предложение.

— Но почему же? — изумился моряк.

Летчик пожал плечами.

— Не научили меня бегать от всяких османовых. Может быть, мы еще что-нибудь придумаем. А пока... выполняйте приказание,—улыбнулся Петров и протянул моряку руки. Тот слабо связал их веревкой.

...И вот, лежа на рундуке, летчик обдумывал свое положение и вслушивался в гнетущую тишину замершей на дне моря лодки. Кап... кап...

кап... — звонко падали где-то капли воды. «...Пятьсот шесть... пятьсот семь... пятьсот восемь...» — машинально отсчитывал Петров.

12. КРУТОЙ ПОВОРОТ

Ночь выдалась — хоть глаз коли. Небо и водную гладь заволокло туманом. На море ни всплеска волны, ни ветерка — тишина коварная, усыпляющая, теплая, с ленивой истомой. Но на наших моряков эта ночь если и действовала, то только настораживающе.

Сигнальщики не смыкали глаз ни на миг, но в сплошной тьме и тумане ничего увидеть не могли. Однако сторожевой пограничный корабль шел обычным ходом без огней и сигналов, и командир его был совершенно спокоен: всевидящее око радиолокатора в любом тумане своевременно разглядит и крупный пассажирский теплоход и маленький катер.

Корабль возвращался на базу. Вскоре он вышел на траверз Хораса. В ясную ночь отсюда уже открылась бы панорама расположенного за мысом ночного курортного города, но сегодня береговые огни не могли пробить завесу мельчайшей водяной пыли.

Командир корабля стоял на мостике и, надвинув фуражку на лоб, вглядывался в синий туман, изредка перебрасываясь с вахтенным офицером короткими неторопливыми фразами.

Кто-то, невидимый в потемках, легко взбежал по трапу на мостик. «Кокорин», — по шагам узнал командир.

Лейтенант, приняв вахту, встал у компасной тумбы, поежился и вдруг сладко, по-мальчишески зевнул.

— Не выпался? — с саркастическим участием осведомился у него командир.

Кокорин смутился, хотел что-то ответить, но в этот момент в переговорной трубе раздалось:

— Товарищ капитан-лейтенант, вам радиошифровка. Командир торпедного катера номер двадцать передает: «Возвращаясь в базу, внезапно обнаружил цель, которая уходит к государственной границе. Пошел на преследование, но кончилось торючее. Координаты цели... ее курс... Васьков».

— Лево на борт,— приказал Кокорину командир и снова наклонился к переговорной трубе.— Радист, передайте капитан-лейтенанту Васькову: «Радиограмму принял. Беру курс на указанные координаты. БО-555. Карев».

Над морем забрезжил рассвет. Туман постепенно редел. За кормой кипел белый бурун: «БО» шел полным ходом на перехват указанной цели, которая уже появилась на экране корабельного радиолокатора. В рубке, широко расставив длинные ноги, склонился над штурманским столиком капитан-лейтенант. Изящно зачиненным карандашом, какие бывают только у инженеров-конструкторов и морских штурманов, он наносил на карту едва заметные точки, соединяя их легкими линиями. На карте появилась точка предполагаемой встречи сторожевого корабля с неизвестным судном. Карев выпрямился во весь рост и удовлетворенно бросил на столик карандаш: «БО» перехватит цель еще задолго до государственной границы.

Командир вышел на мостик без плаща, в одном кителе, свободно висевшем на его сутуловатых плечах.

— Проясняется,— показал на горизонт лейтенант Кокорин.

— Да. Некстати,— заметил Карев, наблюдая, как пелена тумана поднимается и тает на глазах.

Корабль приближался к намеченной точке встречи с неизвестным судном. Радиолокатор показывал, что цель уже близко, но в море ничего не было видно. Командир распорядился вызвать на мостик лучшего сигнальщика корабля, но и тот тоже не смог ничего разглядеть в мелких, ленивых всплесках зеленовато-серой воды.

Вдруг «БО» задрожал, внутри его корпуса что-то замолотило, и вслед за тем выключились машины. Пронзительно засвистела переговорная трубка машинного отделения. Карев шагнул к ней.

— Товарищ капитан-лейтенант, что-то намоталось на левый винт! — доложил механик. — Наверно, угодили в рыболовную сеть.

— Не может быть, здесь район, запрещенный к постановке сетей.

— Тогда, значит, какой-нибудь обрывок сети болтался в море...

Это могло случиться. Что же делать, водолаза спускать? Командир наклонился к трубе:

— Товарищ Игнатьев, попробуйте пошуруйте машиной туда-сюда, может, выкрутимся.

— Рискованно, товарищ капитан-лейтенант: гребной вал погнуло, подшипники еле держатся — до аварии недалеко. Да и освободим, так все равно этой машиной уже не погребем. Придется на одной идти.

На мостике громко прозвучал голос сигнальщика:

— Курсовой двадцать... Дистанция... Небольшой катер... Поправляюсь, не катер, а подводная лодка!

— Что?! — Карев приставил к глазам сильный

морской бинокль и, не отрываясь от него, бросил Кокорину: — Правой машине полный вперед!..

В бинокль уже различалась идущая полным ходом подводная лодка без флага. Вздернутый нос, скошенная назад рубка не оставляли сомнений: это уходил враг, пиратствовавший в советских водах. Лицо командира корабля выразило досаду и злость. Незримая линия государственной границы все приближалась, и враг сумеет проскочить ее значительно раньше, чем «БО» перережет ему путь.

— Черт бы побрал того рыбака с его сетями! — не сдержался Карев. — Лейтенант Кокорин, дайте по лодке с упреждением один выстрел.

Носовое орудие сделало выстрел, другой, третий, но лодка продолжала идти своим курсом, не обращая на огонь никакого внимания. Видимо, на ней отлично понимали свое преимущество и не собирались его терять. У Карева чесались руки открыть огонь на поражение, но он видел в этом риск: лодка начнет вилять и, пока пристреляешься к ней, выскочит за границу. А там стрелять нельзя. Быстрой помощи ждать неоткуда. Другие сторожевые корабли находятся далеко от «БО» и не в силах настигнуть пиратскую подводную лодку. «Неужели придется прекратить погоню», — с тоской подумал Карев... Неожиданная мысль осенила его. Капитан-лейтенант посмотрел на часы, прищурился на виднеющуюся вдали лодку и плотно прижал рот к переговорной трубе радиорубки.

— Немедленно радируйте на берег... — приказал он и продиктовал радиогамму. Потом выпрямился и, следя пристальным взглядом за подводной лодкой, удивленно пожал плечами: — Что-то тут не то! Ну был бы катер, а то ведь — под-

водная лодка! Чего она, спрашивается, еще за столько миль от границы в надводное положение всплыла? Никак в толк не возьму... Глупо!

А она не могла не всплыть.

...Сидя на своем рундуке, Петров посмотрел электрику в самые зрачки и спросил:

— А скажите по совести: если вы действительно искренне хотели помочь мне вырваться отсюда, то почему сами не собирались бежать вместе со мной?

Электрик, фамилия которого, как узнал Петров, была Иволгин, потупил взгляд и вздохнул.

— Вы — честный, случайно попавший сюда человек. А я — добровольно сдавшийся в плен трус. Я — конченный человек. Мне уже не простит родина — поздно!

— Ну, а если и не простит. Разве не лучше умереть на своей земле советским гражданином, чем без роду, без племени сдохнуть, как собака, где-нибудь на чужбине от рук тех, кому сейчас служите и кого ненавидите?

Иволгин, словно от удара, подобрал голову в плечи, потом выпрямился и горячо зашептал:

— Да, я боюсь... Я всегда боялся смерти. Но так жить больше не могу. Не могу, понимаете? Вы... вы поможете мне? Возьмете с собой? — Иволгин вскочил с места, заторопился: — Скорее! Бежим, пока не поздно! Говорите, что надо, я все сделаю. Только не оставьте меня!

В глазах Петрова отразилось сострадание. Он взял Иволгина за рукав:

— Сядьте. Вы уже нашли в себе мужество, это хорошо. А теперь я скажу больше: не бойтесь ничего, родина вас простит.

— Что вы,— снова вскочил Иволгин.— Нам зачитывали и говорили...

— Плюньте... Вы ведь не знаете, что Советское правительство объявило амнистию всем подобным вам лицам, которые искренне раскаиваются в своих преступлениях перед родиной и добровольно возвращаются в Советский Союз.

— Боже мой! — взялся рукой за лоб Иволгин.— Мы... А нас...

— Да, вас простят. Но вас простили бы и без этого закона, если бы вы добровольно пришли с повинной. Так что можете без страха бежать отсюда.

— Простите, как «можете»? — улыбаясь, спросил Иволгин.— А вы?

— А я уже сказал вам: бегать не обучен. Нас учили побеждать, а не бегать. Я буду бороться. И, откровенно говоря, хотел бы видеть вас рядом.— Летчик тепло посмотрел в глаза Иволгину и протянул ему руку: — Значит, идет?

— Спасибо. Я сделаю для вас все.

— Пока ничего не нужно. Скажите, что представляет собой Османов?

— Мы ведь тут мало что знаем друг о друге. Об Османове я слышал тоже немного. Он когда-то проник в советский флот, потом перешел или вернулся к Деницу. Был командиром лодки в отряде рейдеров «Вульф», имел заслуги перед фюрером — вот, собственно, и все, что мне известно о нем. Это человек страшный...

...Пролежав у мыса Хорас весь день и вечер, лодка Османова около полуночи поднялась с грунта и рванулась под водой к границе. Но вражеская субмарина не прошла и половины пути к рубежу,

как из электромоторного отсека потянуло запахом горелой обмотки и шеллака, а винты остановились. Лодка потеряла ход.

В кормовой отсек тут же ворвался Османов. Отыскав глазами Иволгина, растерянно стоявшего у электромоторов, он заорал:

— Почему нет хода?!

— Авария... Моторы сгорели...— пролепетал тот.

Лицо Османова побелело, задержалось, глаза метнули злобные молнии.

— Сгорели? Ты кого обмануть вздумал, сучья душа!..

Османов рванул из кармана пистолет, но удар в висок помешал ему выполнить свое намерение. Пришел в себя он почти мгновенно. Его руки уже были стянуты за спиной той самой веревкой, какая недавно связывала Петрова. Османов сел, обвел взглядом вокруг. Дверь в соседний, проходной отсек была наглухо задраена изнутри, и Петров деловито закручивал последнюю гайку. Из кармана летчика торчал османовский пистолет. Позади поверженного стоял Иволгин.

— Дружка нашел, сучья душа? — яростно зашипел Османов.— Подожди, обоих на кол посажу. Рядышком...

Петров обернулся и сделал шаг вперед. Одна бровь летчика насмешливо поднялась.

— Я, кажется, не больно деликатно обошелся с вами? Предлагаю забыть это. Вставайте... Ну, пошевеливайтесь!

Османов неуклюже поднялся на ноги, угрожающе-вопросительно посмотрел на офицера:

— Дальше что?

— Садитесь сюда,— показал Петров на банку у пульта электрика, вытащил из держателя труб-

ку телефона, передал ее Иволгину и сказал, не снимая пальца с рычага аппарата:

— Иволгин. Подержите ему трубку у рта... А вы, синьор Османов, извольте сами передать своим подручным следующее: «Приказываю немедленно всплыть, зажечь ходовые огни, через минуту выпускать по ракете и сдать первому подошедшему кораблю». Ясно? Предупреждаю: передать буквально. Говорите.

— А если я не желаю?

— Умолять не стану, не думайте. Будете болтаться тут, пока сторожевики вас не нащупают и не долбанут.

Не подозревая того, Петров угодил в самое больное место Османова. В движущейся субмарине бандит еще переносил бомбежку, но, на секунду представив себе бомбовый удар по неподвижной лодке, пират содрогнулся и тяжело задышал:

— Ладно, давайте.

Османов покосился на летчика и хрипло проговорил в поднесенную трубку:

— Центральный? Кто?.. Дай трубку Власову... Власов? Моторы полетели к чертям, а меня тут...

Петров нажал на рычаг и прервал разговор. Османов усмехнулся:

— Ну, ладно, ладно! Черт с вами, соединяйте, скажу, как хотите... Эх!..

Резко вскочив, он ударил головой под челюсть Иволгина, пинком ноги отбросил Петрова и наклонился к упавшей на столик трубке:

— Власов! Всплывайте и полным ходом жмите за границу! Вышибите толком дверь и освободите меня. Поняли? Только вперед!..— успел выкрикнуть он, прежде чем сам отлетел от столика.

В душном отсеке наступила минутная тишина, нарушаемая лишь неровным дыханием трех человек, молча смотревших один на другого. Послышалось какое-то движение в соседнем отсеке. Османов злорадно засмеялся:

— Ну-с, джентльмены, настоящий-то разговор, кажется, только начинается?

Петров подумал и ответил:

— Если хотите, да.

Летчик с Иволгиным подтащили к переборке отчаянно сопротивлявшегося Османова и прикрутили его веревками к двери. Потом Петров сел у телефона и снял трубку.

— Слушайте, как вас там? Говорит советский офицер. Категорически предлагаю всплыть и сдать первому подошедшему кораблю. Обещаю засвидетельствовать, что сделано это добровольно. В противном случае пеняйте на себя. Кроме того, если попытаетесь взорвать дверь в кормовой отсек, то знайте, что ваш командир привязан к этой двери и уже не хочет, чтобы его таким способом освобождали.

В ответ кто-то сипло рассмеялся.

— Можете не волноваться. Командир лодки — я. И вовсе не собираюсь портить переборки. Вы все трое будете доставлены и отправлены на берег — там разберутся что к чему. А насчет сдачи лодки прошу не указывать, я не люблю, когда суются не в свои дела. Ясно? Адью!

Лодка наполнилась равномерным шумом дизелей, под кормой забурлили винты. Иволгин уныло посмотрел на летчика и тихо сказал:

— Ну вот... Что же теперь делать?

Небритое, похудевшее за эти дни лицо Петрова насмешливо поморщилось.

— Э-э, батенька, а вы и впрямь слабы духом.

Выше голову! Во-первых, главную свою задачу мы уже выполнили: лодка всплыла, следовательно, непременно будет обнаружена. А, во-вторых, борьба продолжается! Как быть? Не сидеть сложа руки, вывести из строя все, что в наших силах.

Иволгин окинул взглядом отсеки и покачал головой.

— Нет здесь ничего такого. Можно вывести из строя отдельные узлы, но движение лодки от этого не прекратится.

— Черт его знает,— вздохнул Петров,— я ведь не подводник. Ну, а если проникнуть сюда? Что там? — указал Петров на другую переборку отсека с каким-то лазом. Он был наглухо задраен большими гранеными гайками на болтах и, видимо, давно не открывался.

Иволгин пояснил:

— Там румпельное отделение.

— Это что-то насчет рулей, кажется, или как они по-вашему зовутся? Так чего же лучше! Нарушим все это дело, положим руль на борт — и пусть себе лодка ходит «по пятакку» сколько ей угодно! А вы еще говорите...

— А ведь и верно!.. Только открыть этот люк трудно: ключи большие нужны, инструменты, а они — у механика.

— Ерунда. Давайте выгребайте все, что у вас есть, придумаем...

Ранним бессолнечным утром после тумана видимость по горизонту у воды была приличной, но с высоты летчик ничего толком на море разглядеть не мог — все сливалось в какую-то серо-зеленую пелену. Это досаждало Сергееву и дивизионному штурману, который летел с ним, даже

не сняв с рукава повязки дежурного по части. Как удачно сложилось, что опытный боевой летчик Сергеев жил на самом аэродроме, а лучший штурман дежурил по дивизии — это дало возможность сэкономить несколько драгоценных минут.

Огромная скорость «Голубой стрелы-2» позволила летчику преодолеть расстояние в сказочно короткое время, а штурман по приборам вывел машину точно на цель.

Но тут произошла заминка: локатор показывал, что самолет над целью, а визуально ни летчик, ни штурман ничего не видели. Нервы Сергеева натянулись, как струны. Уменьшив скорость, он повел машину по кругу. «Не только лодку, но и вас не вижу. Укажите себя и цель», — сердито сказал летчик по радио пограничникам, будто те были в этом виноваты.

«Мы вас видим хорошо. Обозначаем себя ракетами, врага — трассой», — ответили с моря.

Внизу из одной точки веером разошлись три яркожелтые змейки, а прямо перед ними протянулась блеклая струйка трассирующих снарядов малокалиберной пушки-автомата. Летчик снизился и пронесся над «БО» в указанном трассой направлении.

Под самолетом промелькнуло узкое стальное тело подводной лодки, по цвету почти сливающееся с водой.

— Вот она, будь проклята! — зло воскликнул Сергеев, резким рывком отваливая в сторону.

— Что с вами? — удивился штурман. Он тоже волновался, но сдерживал возбуждение, охватившее его перед выполнением боевой задачи.

А летчик, действительно, нервничал. Перед глазами Сергеева стояло лицо друга, который еще под Волоколамском вытащил его из-под разбитой

машины, посадил в свою и взлетел под носом у врага.

Сделав над собой усилие, Сергеев бодро ответил на вопрос:

— Со мной все в порядке.

— Ложусь на боевой курс! — передал штурман и прильнул к приборам.

Во время атаки штурман становится хозяином воздушного корабля. Он выводит самолет на цель, мгновенно производит сложнейшие расчеты, определяет момент и нажатием кнопки посылает врагу торпеду. А летчик в это время должен быть идеальным пилотом, точнейшим исполнителем команд штурмана. Малейшая нечеткость — и торпеда не встретится с целью.

— Отставить! — вдруг скомандовал Сергеев. — Сделаем холостой заход, чтобы лучше прицелиться.

«...Что делать? Погружаться? Но позади идет пограничный корабль с бомбами, подводного хода нет — верная гибель. Сдаваться, когда до границы осталось буквально три минуты хода?..» — Власов побледнел и, как утопающий за соломинку, схватился за телефон.

Петров услышал из румпельного отделения звонок и подошел к телефону.

— Ваш самолет хочет нас торпедировать!.. — прохрипел в трубке прерывающийся голос.

— Благодарю за приятное известие, — ответил летчик.

— К черту! — истоптленно закричал Власов. — Я серьезно говорю, слышите! Я гарантирую вам все — жизнь, деньги, свободу, только вылезайте из отсека и дайте им сигнал, что вы здесь.

— Мой баллон и белый флаг над лодкой — вот сигнал, — ответил Петров.

— Перестаньте же, наконец! Ведь через минуту они нас потопят. Понимаете — торпедируют!

— Что, гад, смерти боишься? — усмехнулся Петров.

— Он сумасшедший! — завизжал Власов. — Слушайте, вы понимаете, что сами тоже сдохнете ни за понюшку табаку?

— Сдохнете вы. А я умру, как офицер, верный присяге. Впрочем, вам этого не понять. Короче — либо белый флаг, либо готовьтесь к смерти. А мне надоело ваше визжание.

Петров сунул трубку в держатель, сел на разномжку и вытащил портсигар.

— Ну, что же, теперь, пожалуй, можно закурить, не так ли?

Привязанный к двери Османов не ответил, а лишь вытаращил на летчика остекляненные глаза.

...Описав круг, торпедоносец снова лег на боевой курс. Сергеев надеялся, что пиратская подводная лодка поднимет белый флаг. Но этого не случилось. Стальная сигара продолжала свой путь. Теперь оставалось одно — торпедировать, и летчик опять с болью подумал о Петрове.

— Митя, друг мой, но ведь ты никогда не простил бы мне, если бы я сейчас смалодушничал, — прошептал Сергеев и повел «Голубую стрелу-2» в атаку.

Летчик почувствовал, как самолет чуть колыхнулся, освобождаясь от груза торпеды, но Сергеев не нашел в себе сил посмотреть на выражение вниз.

— Уклонилась! — крикнул штурман.

Оставляя на воде пенный след, лодка описывала крутой поворот. Положи она руль двумя секундами позже, корма ее не отвернула бы от торпеды.

— Видите? — спросил штурман.

— Вижу! — засмеялся Сергеев, стягивая с головы шлем: над рубкой лодки затрепыхало что-то большое и белое, как скатерть. Враг сдавался!

А мгновение спустя на мостике появилась фигура человека в морской форме. Пролетая над лодкой на большой скорости, Сергеев не смог его рассмотреть, но сердце подсказало ему: «Петров!»

С «БО-555» спустили шлюпки. На носу первой стоял очень высокий худощавый молодой офицер, Он улыбался и что-то кричал Петрову, но тот не расслышал: победно трубя двигателями, над ними низко пронесся самолет. Потом «Голубая стрела-2» спикировала на лодку, вертикально взмыла в поднебесье, через несколько секунд вонзилась в сиреневое облако над берегом и скрылась.

